

A romantic couple embracing at sunset. The man, wearing a black leather jacket, is leaning in to kiss the woman's forehead. She has long, wavy brown hair and is also wearing a black leather jacket. They are standing on a rooftop or balcony with a city skyline and a body of water in the background. The sky is filled with soft, golden light from the setting sun, with a few birds flying in the distance.

Рита Хавер

Сломанное
СЕРДЦЕ

Рита Навьер

Сломанное сердце

<https://litres.ru/74464123>

Аннотация

У нас была одна ночь. Случайная, запретная, жаркая. Моя ошибка, о которой наутро я поклялась никогда не вспоминать. Моя тайна, о которой никто знать не должен. А спустя два дня я встречаю Его среди своих студентов...

Разница в возрасте небольшая. Очень эмоционально и откровенно. Однотомник. ХЭ

История Артема Шаламова, сына главных героев книги Эм + Эш

Содержание

1. Лера	4
2. Лера	10
3. Лера	14
4. Лера	19
5. Лера	27
6. Лера	33
7. Артём	43
8. Лера	54
9. Артём	62
10. Артём	67
11. Лера	74
12. Артём	86
13. Артём	99
14. Артём	106
15. Лера	115
16. Лера	123
17. Артём	129
18. Лера	136
19. Артём	145
20. Лера	153
Конец ознакомительного фрагмента.	154

1. Лера

Навигатор показывает, что я на месте. Отлично. Даже почти вовремя.

Припарковываюсь в кармане, выхожу. Оглядываюсь по сторонам. Где тут что с названием «Чердак»?

Вижу... И мне не нравится. Панорамные окна ресторана тусклые, пыльные, с грязными потеками. Первая буква неоновой вывески не горит, зато остальные светятся истошно зеленым. Меня и целиком название не притягивало, а «...ердак» – ну даже и заходить не хочется. И перед входом – лужа с маленькое озеро. Понятно, вчера лил дождь, но балансировать по кособокому бордюру на каблуках – увольте...

И всё же – балансирую и захожу. Вдруг внутри будет нормально?

Но ресторан ужасен. Какая-то второсортная забегаловка. Душно, шумно, как-то базарно.

Кто вообще придумал собраться здесь? Из сотен приличных мест выбрать ...ердак?

Ах да, Юлька Тарасова. Она вообще всё и затеяла – обзвонила каждого, уговорила, пристыдила: «Народ, камон, пять лет не собирались! А обещали после выпуска – каждый год! Что вы как замшелые пни? В одном городе живём, а общаемся только в соцсетях. Ну же!».

Я, правда, отказалась, но в последний момент клиент перенёс встречу на следующую неделю, образовался свободный вечер. И вот я здесь. В «ердаке».

Боже, да что со мной? Почему я такая язва? Когда такой стала? И вообще, главное же – компания. А мы действительно сто лет не виделись. И вообще забыли, что такое дружить...

Я оглядываю зал. Вон они, все наши, в полном сборе: Юлька Тарасова со своим Славкой, Соня с Денисом, убежденный холостяк Захаров и мой благоверный, Марк Гаевский.

Когда-то мы все вместе учились на юридическом. И дружили одной большой компанией. Огонь и воду, и даже медные трубы прошли плечом к плечу. А потом ещё и половина из нас переженились между собой.

В общем-то, считается, что мы и сейчас дружим. В теории. Шлём друг другу стикеры по праздникам. А шесть лет назад мы и правда договорились встречаться каждый год. И первое время после выпуска даже собирались как-то пару раз, но потом всё так завертелось: работа, отношения, вечный цейтнот.

Из всех нас только Захаров плавает в гордом одиночестве, но на то он и убежденный холостяк.

Соня с Денисом поженились ещё на втором курсе.

Юлька Тарасова очень долго и упорно окучивала Славику Кузьменкова, а он изо всех сил упирался, но сразу после

универа они расписались.

«Дожала все-таки», – смеялся над ними мой Гаевский.

Мы с ним продержались дольше всех. Сначала просто жили у меня по-соседски, когда шесть лет назад Гаевский переехал, а, скорее, сбежал ко мне от своего важного папы с замашками Наполеона.

Его папа – проректор в нашем универе. Но что хуже, он из тех, кому надо, чтобы все плясали под его дудку. Шаг влево, шаг вправо – расстрел.

Вот Марк и сбежал из-под тотального контроля папашки-диктатора.

Почему ко мне? Потому что я жила одна в большой квартире.

Никаких амуров поначалу у нас в помине не было. Мы просто дружили с Марком, пока учились. Причем и дружили-то с натяжкой. Гаевский всё время норовил обойти меня. Злился, что не получалось. Дразнил заучкой, ботаншей, синим чулком и всё в таком духе. Я не обижалась, такими глупостями меня не обидеть. Но прикола ради могла съязвить в ответ, отчего он бесился ещё сильнее.

Поэтому в универе теплых отношений между нами не сложилось. Нас связывала просто общая компания.

И тут вдруг он возник на пороге. Со спортивной сумкой и с видом просителя милостыни. Таким я этого заносчивого сноба Гаевского не видела ни разу и от изумления аж впустила к себе без лишних вопросов.

Потом он мне понарасказывал, как отец его третировал. Как угнетал морально за то, что не был лучшим на курсе.

«Я тебя прямо ненавидел тогда», – признался Марк мне как-то.

Но жили мы с Гаевским душа в душу. Как соседи. Где-то года полтора. А однажды ко мне в гости пришёл молодой человек.

Марк как раз оказался дома и молча наблюдал, как мы общались, как пили чай, как он держал меня за руку. И когда молодой человек ушёл, Марк вдруг как с цепи сорвался.

Этот вечно невозмутимый сноб вдруг превратился в гневного Отелло. Нет, душить он меня не душил, естественно, но наговорил с три короба всякой чуши. Ходил по квартире, метался, сверкал глазами.

Я на весь этот концерт смотрела с недоумением. Даже дар речи ненадолго потеряла. А придя немного в себя, только и могла сказать:

– Марик, солнце, ты ничего не перепутал? Мы вообще-то просто соседи. Какие претензии?

Он дернул головой, вскинул подбородок, ноздри раздул и, всё так же гневно сверкая глазами, выпалил:

– А я, может, не хочу... не хочу быть просто соседом. Я, может... может, я... Я тебя, может, люблю...

И вдруг кинулся меня целовать. Зло и страстно. Я не ответила, просто потому что растерялась. А он поцеловал и... сдуслся. Отвернулся, умчался в другую комнату, закрылся

там.

А мне стало забавно и смешно. И удивительно. Я же совершенно не замечала его чувств, а ведь мне самой на тот момент Гаевский нравился.

Я постучалась к Марку. Он не ответил, я вошла сама. Смотрю, вытянулся на диване, лицом к стене.

– Что, Марик, устал, решил поспать? – пошутила я, присев с краю.

Он не двигался целую минуту, потом вдруг вскочил. Весь пятнами красными покрылся. И забурился опять:

– Смешно, да? Тебе все время над всем смешно! А мне не смешно. Мне плохо! Ты меня измучила всего... Зря я к тебе переехал... Я уйду! Не буду вам мешать!

Пока он клокотал, я обняла его за шею и уже сама поцеловала его в губы. Нежно, мягко и отодвинулась. Он замолк. Захлопал изумленно глазами.

В общем, мы переспали. И мне не понравилось. Марик был тороплив, суетлив, неуклюж. А я вообще до него ни с кем и никогда. Так что мы друг друга стоили. Но не отчаялись. Пробовали, пытались. Как в кино не стало, но терпеть вполне можно...

А спустя год тоже решили скромно расписаться. Однако отец Марка нас не понял и закатил свадьбу человек на двести. Я бы не согласилась, наверное, но мой папа внезапно его поддержал. И мама тоже. А родителей своих я огорчать не люблю.

После свадьбы ничего не поменялось – мы по-прежнему живем прекрасно. Не ссоримся, нервы друг другу не мотаем, мозг не клюём. Только родители, и его, и мои, время от времени нас атакуют: когда уже будут дети? Но мы с Гаевским держим оборону.

Ни я, ни Марк обзаводиться потомством не торопимся, строим карьеру. Он – в универе по научной части двигается вперед под папиным крылом. Закончил магистратуру, аспирантуру, сейчас пишет диссертацию.

Ну а я – кручусь как белка в своём бюро. В универе я, правда, тоже веду часы как приглашенный преподаватель. Но это так, для поддержания формы и немножко для статуса. А вот бюро – это моё всё.

Я ночи не спала, из кожи вон лезла, чувствуя себя ходячим справочником юриста. Два года после универа отпахала помощником адвоката. Все нервы измотала, пока сдала квалификационный экзамен в Палате адвокатов. И это было только начало. Спасибо папе, он поддерживал и словом, и рублем, пока мои дела не пошли в гору.

В общем, мы с Марком – упертые карьеристы. И обоих такое положение вещей более чем устраивает.

2. Лера

Я тихонько, стараясь не цокать каблуками, подхожу со спины к Гаевскому. Он что-то увлеченно рассказывает, жестикулируя руками.#

Меня замечают Соня и Денис – они сидят напротив Марка, но я прижимаю палец к губам. Мол, тихо, меня не выдавайте. Хочу слегка пошалить – закрыть ему глаза ладонями. Посмотрим, узнает ли меня Марк. Он ведь уверен, что я не приду.

– Вот так, ребята, сейчас с вами напыюсь, наберусь смелости и порву с ней. Всё, не могу так больше.

Я замираю с приподнятыми над его головой руками. С кем он собрался порвать? Холодею от мысли: у Марка есть кто-то на стороне? Мой благоверный не такой уж верный?

Денис, глядя на него, многозначительно покашлял, но Гаевский, видимо, так увлекся своими откровениями, что знак не уловил. Зато я уловила и метнула в Дениса убийственный взгляд. Они оба с Соней опустили глаза. Мне тоже стыдно, но я должна знать правду.

– Жалко как-то, – вздохнула Юлька, теребя сережку. – Может, ещё всё наладится. Что уж сразу так-то?

– Да нечему там налаживаться! Мы с Лерой давно чужие люди.

Я цепенею за его спиной – услышанное не укладывается в голове. Это он со мной решил порвать? Мы с ним чужие? Мы прожили почти шесть лет бок о бок, знаем друг о друге всё плохое и всё хорошее – и это мы чужие? Это какой-то сюр! Мы ведь правда ни разу даже не поссорились.

– Но вы же любили друг друга, – говорит Юлька.

– Я уже не уверен в этом. Я вообще жалею, что лучшие годы потерял с ней.

– Да чего уж ты? – вставляет свои пять копеек Захаров. – Так-то Лера у тебя красotka.

– Толку-то! Она не женщина. Она – сухарь. Плесневелый. Заскорузлая деревяшка. Сердца у неё вообще нет. Она думает только о своей чертовой работе, больше её тупо ничего не интересует. Никогда не спросит, как у меня дела... чего хочу я... Она сама не живет, и я рядом с ней подышаю. Она элементарно не способна на... – Он взмахнул руками, но слова не нашел. – Ни на что она не способна! Даже вон прийти встретиться не захотела. Потому что общаться она не умеет, ну, просто общаться, по-человечески. И не хочет. Рассказываю недавно ей случай смешной, у нас на кафедре было... да я вам писал про доцента, который очки потерял, помните? А она на меня подняла глаза, пустые такие, холодные, и говорит: у меня завтра утром суд, сложное дело, не отвлекай меня сейчас, пожалуйста, на всякую ерунду.

Последнюю фразу Марк произнес дурацким церемонным голосом, меня, видимо, передразнить пытался. Потом с тяж-

ким вздохом добавил:

– Так что юрист, ой нет, что вы, адвокат! – А это он про-изнес с издевкой. – В общем, адвокат из нее получился блестящий, это да, а вот в остальном – полный ноль. Но ведет себя как царица, а я при ней, типа, консорт.

– И что, разводиться будете?

– Угу.

– Смотри, как бы этот блестящий адвокат тебя как липку не ободрал, – смеясь, вставил Захаров.

– Переломится, – фыркнул Марк. – Хотя плевать, лишь бы скорее от неё отделаться.

– Не говори так, – мямлит Соня, бросая на меня жалостливый взгляд.

– Говорю, как есть, – продолжает Марк. – Раньше у нас хотя бы секс был. Не крутой, но хоть какой-то. А сейчас... да и не тянет, если честно. Потому что она даже не бревно... а ледяная глыба. С ней любой станет импотентом, честное слово...

– Ну, не знаю, не знаю... – тянет Захаров, словно услышал в словах Марка личный вызов.

– И ты тоже, уж поверь. Она же...

– Всё! – вспыхивает Соня. – Хватит! Марк, Лера!

Тут же поворачиваются ко мне Юлька и Славик, и у обоих разом вытягиваются лица.

Меня, слава богу, отпускает. То есть нет, в горле и груди жжет так, будто я надышалась какой-то ядовитой кислотой.

И ощущение, что все мои внутренности медленно и верно разъедает до кровавых язв. А каждый новый вдох — лишь обостряет боль.

Но оцепенение спадает, и я хотя бы уже способна соображать, шевелиться, говорить и даже, вроде, владею лицом.

Мысленно приказываю себе: «Спокойно! Позже и поплачу, и пострадаю вволю, но сейчас даже не смей. Не дай ему унижить себя ещё больше. Не на глазах у всех».

И призвав все силы, я натягиваю ослепительную улыбку и выхожу из-за спины Гаевского.

— Привет.

3. Лера

За столом повисает гробовое молчание. Один этот момент достоин всех кинопремий.

Юлька охает и часто-часто моргает круглыми, как блюдца, глазами. Ищет поддержки у своего Славика, но тот кряхтит, ерзает и отводит взгляд. Соня с Денисом, оба пунцовые, так и сидят, не поднимая головы. Захаров таращится на меня с открытым ртом. Но красноречивее всех выражение Гавевского.

Сначала он страшно бледнеет и по-рыбы безмолвно шевелит губами. Потом всё-таки издает какой-то сдавленный сип и затыкается, а на белой-белой коже проступают алые пятна.

Марк всегда так краснел – словно крупной сыпью покрывался. Правда, краснел он редко, поскольку мало что могло его смутить.

Я усаживаюсь напротив него, рядом с Захаровым. И с горечью признаю про себя, что так эффектно я ещё не появлялась.

Захаров первым справляется с шоком и даже начинает шутить. Но у меня и по жизни-то с чувством юмора не очень, а сейчас тем более не до шуток.

Вижу, что Марк судорожно гадает, как много из его ре-

чей я успела услышать. На меня смотреть стесняется. Потет. Взгляд его суетливо бежит, цепляясь то за солонку, то за пустой бокал, то за проходящих мимо официанток. Одну из них он задерживает. Просит:

– Повторите.

Я сначала порываюсь спросить меню, но потом понимаю: ничего не хочу – ни пить, ни есть, ни находиться здесь. Зачем себя мучить? Зачем притворяться?

– Ладно, – встаю я из-за стола. – Пришла повидаться. Повидалась. Могу уходить.

– Лер, ты что, уже? – приподнимается следом Захаров. – Ты же только что пришла, даже не пообщались толком.

– Да, Лер, останься, – лепечет сконфуженно Юлька.

– Не, ребят. У меня дела. Я только зашла поздороваться. – Перевожу взгляд прицельно на Марка и с ударением добавляю: – И попрощаться.

Гаевский догоняет меня уже на улице.

– Лер! Стой! Давай поговорим?

– О чем? – как можно безразличнее спрашиваю я. – Я с обиженными трусливыми мальчиками разговоры не веду.

– Зачем ты так? – оскорбляется он.

– Как? – приподнимаю бровь, будто искренне его не понимаю.

– Ну... трусливыми... обиженными... зачем это? Где я трусил?

– А-а, то есть этот твой спич в мою честь, который начался словами: «Сейчас я напьюсь, наберусь смелости и порву с ней» – это образец мужества?

Марк опять идет пятнами, мнетя и, наконец, зло бросает:

– А ты могла бы не подслушивать, а показать, что пришла. Тоже не слишком-то красиво это...

Вот тут мне от его претензии становится даже смешно.

– Ну занеси ещё один пункт в свой список моих недостатков. А теперь скорее вернись и всем об этом расскажи.

– Ты можешь меня хотя бы выслушать?

– Могу, но не хочу. Успокойся, Гаевский. Просто пойми: мне обсуждать твои обиды неинтересно. Это тема вообще мимо меня. Ты лучше правда возвращайся к Соньке, Юльке, мальчикам. Им рассказывай дальше, какой ты весь обиженный. Может, даже кто-то из них смиростивится и тебя приютит. Или к маме с папой вернешься? Ключ только отдать не забудь от моей квартиры.

Я отворачиваюсь и иду к машине. Марк зачем-то тащится следом.

– Лер, ну, давай поговорим нормально? – теперь у него просительный тон.

– Неинтересно, – не оглядываясь и не останавливаясь, бросаю я.

– Да вот всегда ты так! – опять взвизывает он. – Потому у нас ничего и не вышло! Ты никогда никого не слушаешь! Ты же у нас одна всё знаешь лучше всех!

Пиликнув сигналкой, открываю дверцу и сажусь на водительское место. Скидываю туфли на шпильках, надеваю разношенные конверсы. Марк вертится рядом, продолжая истерить.

– Тебе всегда всё неинтересно!

– Ошибаешься, Гаевский, – улыбаюсь я. – Не всё и не всегда. Но твоё нытьё и жалобы – это скучнее не придумаешь.

– Высказать свое мнение – это у тебя нытьё? – в который раз оскорбляется он.

Потом вдруг хлопает ладонью по крыше моей машины и заявляет с вызовом:

– А знаешь что? Ну и катись! Я ведь правду сказал им. Ты – деревяшка, а не женщина. Во всех отношениях. И в постели – полный ноль. С резиновой Зиной и то удовольствия больше, чем с тобой. Мне ещё медаль надо дать за то, что так долго жил с... бревном. Да, Лера, ты – бревно. Лыдина. Бесполое существо. Оно.

– Высказался? Полегчало? Машину мне не калечь, герой.

– Я-то не пропаду! – продолжает он выступать. – Мне найти нормальную бабу – не проблема. А вот ты останешься одинокая, никому не нужная...

– Удачи в поисках нормальной бабы, – улыбаюсь я и поворачиваю ключ зажигания.

Отъезжаю на пару кварталов и сворачиваю в какой-то тенистый, полупустой двор. Глушу мотор. Горло болезненно перехватывает спазмом. Глаза моментально застилают слё-

зы.

Несколько долгих минут я просто сижу, до белых костяшек вцепившись в руль, и гляжу перед собой невидящим взором. Никакое самовнушение не помогает. Я чувствую себя не просто униженной и несчастной, а полностью раздавленной. Размазанной. Оплеванной.

И дело не только в том, что Гаевский из всех способов расстаться выбрал самый подлый, вылив на меня ушат грязи прилюдно. А ещё и в том, что вся моя жизнь рассыпалась... Даже не так, никакой жизни и не было. Оказывается, всё это иллюзия...

4. Лера

Я, уже не сдерживаясь, реву в голос, подбирая тыльной стороной ладони слёзы. Неужели я была настолько слепа, что ничего не замечала?

Я ведь искренне считала, что мы с Марком – идеальная пара. Да, страсти у нас не кипели, мы не скандалили и не били посуду, как молодожены из соседней квартиры, не сходили с ума от ревности, не трахались как кролики ночи напролёт, не выносили мозг взаимными упрёками. Мы просто жили, уважая интересы и личные границы друг друга.

А, оказывается, он всё это время меня едва терпел...

Мне, может быть, тоже не нравились некоторые его привычки, но я закрывала на это глаза, считая, что идеальных людей всё равно нет, а портить друг другу настроение по мелочам... зачем?

Ведь всё это действительно мелочи, когда в остальном люди сходятся. Вот только никакого остального, как оказалось, у нас с Марком не было.

Его слова стучат в ушах: бревно, льдина, бесполое существо...

Как бы я ни хотела быть выше этих оскорблений, но меня они заделали. Даже не заделали, а ранили. И очень больно. Как ножом изрезали.

И самое скверное, что не получалось от них отмахнуться.

Выходит, он прав? И я – то, чем Марк меня назвал? Ведь только правда колет...

Да, секс в нашей жизни действительно играл второстепенную роль. Но я считала, что так у всех пар, кто не первый год живёт вместе. Может, я чего-то и не знаю.

Марк – мой первый и единственный мужчина. Какого он опыта набрался до меня – я без понятия, не допрашивала. Он намекал как-то, что у него уже бывало и всякое до наших отношений, однако, не встретив у меня любопытства, откровенничать дальше, слава богу, не стал. И вообще я сочла, что он приврал о своих подвигах. Ну, потому что первый наш раз, прямо скажем, оставлял желать лучшего. Но там ладно, спишем на волнение. Но ведь и дальнейший секс всегда напоминал перекус на скорую руку.

Причем как по шаблону. Мы выключали свет, ложились в кровать, с минуту он целовал меня в губы и одновременно мямл грудь, потом стаскивал с меня трусики и наваливался сверху, смочив слюной член. Несколько быстрых фрикций – и он откидывался в сторону, потный и пыхтящий. Потом мы по очереди мылись в душе и ложились действительно спать. Никакого возбуждения я не испытывала в помине, потому, наверное, и удовольствия тоже. Но и не скажу, что было противно. Было просто никак. И всё это действие я воспринимала исключительно как обязанность, от которой всё чаще уклонялась. Что правда, то правда.

И да, Марк прав – во многом из-за работы. Терпеть его

пыхтения я бы ещё могла, привыкла уже. Но когда утром важная встреча или суд, воровать у сна пусть даже четверть часа не хотелось. А теперь, когда я открыла собственное адвокатское бюро, мне и выспаться-то редко удавалось. Ну какой, к черту, секс?

Хотя... всё это отговорки. Будем честны, я отнюдь не горячая штучка. Но Гаевского это ничуть не извиняет. Все равно он – подонок, тысячу раз подонок! Подлый, трусливый предатель!

Я снова начинаю рыдать...

Сотовый разрывается, не умолкая, и я его просто выключаю. Вести деловые беседы я сейчас не в состоянии, а говорить с Марком или кем-то еще – не хочу. Меня и так трясёт, как дворняжку под проливным дождем.

В конце концов выезжаю со двора, но еду бездумно, куда глаза глядят. Чувствую – в таком состоянии лучше мне бы вообще не вести. И точно – просто чудом не въезжаю в задний бампер остановившейся на светофоре машины.

Зато сразу перестаю реветь, а вот руки дрожат. Просто ходуном ходят. Нет, так дело не пойдёт. Ещё себя или, не дай бог, кого-нибудь другого угроблю.

Останавливаюсь на ближайшей парковке. Сейчас куда-нибудь зайду, посижу немного и вызову такси.

Мало-мальски привожу себя в порядок. Ну как в порядок? Макияж безнадежно испорчен, остаётся только всё аккурат-

но стереть. И чтобы совсем уж не казаться бледной и больной, подкрашиваю губы алым. Скидываю уютные старенькие конверсы и надеваю красивые, но до жути неудобные туфли на десятисантиметровых шпильках. Купила пару лет назад в Италии и благополучно про них забыла, а сегодня утром нашла и удивилась: что же я не ношу такие шикарные туфли? Теперь вот вспомнила, почему. Они и жмут, и трут, и на ногах ощущаются как пыточные тиски. Хотя это такая ерунда по сравнению со всем прочим...

Выхожу, оглядываюсь в поисках какой-нибудь кафешки. Или ресторана. Но замечаю поблизости лишь полукруглый стеклянный фасад здания с неоновой серо-голубой вывеской «Incognito club». Это клуб?

Что я знаю о клубах? Из личного опыта – ничего. Из чужих рассказов – что там под какой-нибудь дабстеп тусуется молодежь, глотает запрещенные вещества, сношается в уборных. Нет, это точно не мой вариант.

Однако с виду место определенно пафосное. И вокруг больше ничего подходящего не наблюдаю.

Пафос я не люблю, но сейчас это к лучшему. Поскольку в таких местах ничтожно мала вероятность встретить гоповатых малолеток, укурков и прочих нежелательный контингент. На всякий случай гуглю, что это за место. Вроде отзывы хорошие и фото вполне. Ну а когда в фойе я обнаруживаю двух гигантов даже не в костюмах, а в смокингах с иголки, то окончательно успокаиваюсь на этот счёт.

Посижу здесь немного, а потом...

Боже, никогда не думала, что при мысли «что буду делать потом» у меня всё внутри закруточит...

На взводе я почти влетаю в зал резво и решительно, но затем притормаживаю и озираюсь, не зная, куда идти дальше.

Во-первых, здесь полумрак, который, правда, рассекают то белые, то голубые, то сиреневые полосы-всполохи, отчего создается ощущение нереальности происходящего. А во-вторых, я не вижу, куда приткнуться. Ни столиков, ни кресел, ни диванчиков, ни чего-то подобного не наблюдаю. Только у барной стойки замечаю три свободных стула метровой высоты. Туда и направляюсь.

Там же, у бара стоят девушки, потягивают коктейли, болтают, смеются. Ну а мне на своих шпильках стоять не очень хочется. Поэтому осторожно стараюсь взгромоздиться на один из стульев. И сразу понимаю, почему никто на них не садится.

Это не стул, это какой-то снаряд для спортивной гимнастики. Мало того, что очень высокий. Ещё и подставка под ноги ужасная – тонкая круглая металлическая перекладина, по которой подошва туфли скользит и елозит, не получая никакой опоры.

Раздраженно взираю на бармена, но у него лицо непроницаемое, как у индейского вождя, зато стоящие у барной стойки девушки косятся в мою сторону с ехидным любопытством.

И тогда я просто скидываю туфли и вскарабкиваюсь на стул, может, и не особо грациозно, но главное – сижу, и ноги мои, измученные тисками от Дольче Габбана, стонут от наслаждения.

Заказываю себе Лонг Айленд. По-хорошему стоило бы взять что-нибудь из еды, чтобы на голодный желудок не развезло, однако в горло ничего не лезет. У меня всегда от расстройства пропадает аппетит.

После первых нескольких глотков раздражение улетучивается, и даже приходит мысль: а тут интересно. Во всяком случае в интерьере чувствуется стиль и рука дорогого дизайнера. Да и глаза привыкают к всполохам. Ну а допив бокал, я почти верю, что жизнь не совсем плоха. И думать про Гавеского уже не так убийственно больно.

Но лучше бы и вовсе о нём не думать. Хотя бы один сегодняшний вечер. Ни о нем, ни о чем вообще. И я прошу бармена повторить.

Громкая музыка пульсирует и отсекает все прочие шумы. В центре зала – высокая круглая сцена, на которой ритмично извиваются полуголые танцовщицы и парни в кожаных штанах. Обычные люди тоже танцуют, но ярусом ниже, на танцполе вокруг сцены.

Я оглядываюсь по сторонам и ловлю на себе чужой пристальный взгляд. Недалеко от входа застыл... даже не парень, а взрослый мужик. Лет тридцати пяти навскидку. Блондин с коротким ежиком волос. Не толстый, но крупный,

кряжистый такой, похож на боксера, несмотря на хороший костюм.

Он разглядывает меня так, словно приценивается. Становится неприятно и как-то даже смутно тревожно. Но он от бара довольно далеко, так что я просто отворачиваюсь в противоположную сторону и замечаю лестницу, ведущую вверх. А если быть честной, то, скорее, замечаю парня, спускающегося по этой лестнице со второго этажа. Темноволосый, стройный. На нем белая футболка и узкие темные джинсы. Но это детали.

Интереснее всего то, как он идёт – медленно, расслабленно, с какой-то ленивой кошачьей грацией. И я даже невольно заглядываюсь.

Сама не знаю, что так приковало мое внимание к этому парню. Наверное, Лонг Айленд. Но мальчик хорош. И чертовски притягателен, хоть и совсем молодой. Лет на пять меня младше. Как мужчину я его, конечно, даже воспринимать не могу, да и на самовлюбленных мажорчиков у меня аллергия, но чисто эстетически полюбоваться можно.

Он смазливый, даже слишком, но не приторно, не слащаво. Такие обычно нравятся и девочкам, и женщинам. И он явно знает о том, какое производит впечатление.

Проходя мимо бара, красавчик мазнул по всем девицам у стойки обволакивающим взглядом и почему-то задержался на мне. Губы его тронула легкая не то улыбка, не то усмешка. Засёк, что я его разглядываю. Но я глаза не отвожу. Когда

тебе двадцать шесть, то двадцатилетние мальчишки, даже такие красивые и нахальные, уже не смущают. Особенно если ты цедишь второй Лонг Айленд.

Он почти равняется со мной, когда на него налетает какая-то девчонка с бокалом Кровавой Мери в руке. На белой футболке расплзается темно-красное пятно. Самодовольное лицо красавчика на миг становится растерянным.

Девушка бросается к нему с ворохом салфеток, но он отмахивается от неё и уходит, исчезая за стеклянными дверями в фойе. Я провожаю его взглядом, заодно удовлетворенно отмечаю, что мужик с белым ежиком исчез. Может, ушёл, может, растворился среди танцующих, неважно. Главное, он больше не стоит и не пялится на меня плотоядно. Не то чтобы он меня всерьез встревожил, но... что-то внутри царапало, а сейчас отпустило.

Я отодвигаю почти пустой бокал. Периферийным зрением улавливаю с другого бока возню, поворачиваюсь и от неожиданности вздрагиваю... «Белый ежик» пристроился у барной стойки рядом и буквально облизывает меня взглядом.

5. Лера

«Ежик» мне категорически не нравится. Особенно – его прилипший сальный взгляд. Это чрезвычайно действует на нервы. Хочется высказать ему так, чтобы отпало желание тарачиться, но я пока молчу. Делаю вид, что вообще его не замечаю. Просто знаю таких – с ними только заговори и не отделаешься. И неважно, что именно ты скажешь. Такие слова «нет» просто не понимают.

Можно было бы прямо сейчас уйти, но вдруг увяжется за мной? У меня, конечно, всегда с собой перцовый баллончик, но подозреваю, против него – это слабая защита. Он невысокий – даже не стал на эти ужасные стулья садиться, но мощный. Ну а здесь хотя бы люди. Так что лучше дождусь, когда он отвлечется, и незаметно ускользну. Слава богу, он пока только пялится.

«Ежик» заказывает себе неразбавленный виски. Один, второй. Пусть пьет, пусть. Потом захочет в уборную, и я сбегу.

Слышу, как он предлагает мне:

– Угостить?

Я и бровью не веду.

– Девушка! Говорю, угостить?

Не отвечаю, вообще на него никак не реагирую. И даже отворачиваюсь со скучающим видом в другую сторону. И тут

вижу – красавчик возвращается. И уже без футболки. Теперь на нем кожаная куртка нараспашку, одета прямо на голый торс. И это его абсолютно не смущает, даже, по-моему, наоборот, он ещё больше красуется. Идёт себе, проходящим мимо девочкам улыбается. Звезда.

Да уж, самоуверенности у него – хоть продавай. И в таком виде этот чудо плавно взмывает на круглый танцпол, где его встречают и правда как звезду.

А я, не знаю почему, пристально за ним наблюдаю, даже про ежика забыла. Хотя понятно, почему. На него приятно смотреть. Есть в нем что-то чувственно-притягательное. На него тут многие смотрят.

Играет взрывной, переделанный ремикс старенькой композиции «Нон-стоп».

«Музыка громче, глаза закрыты
Это нон-стоп ночью открытий!...»

Красавчик танцует самозабвенно и, между прочим, подогревает публику похлеще, чем танцоры в кожаных штанах. Он её вообще заводит. Да и танцует он, может, не то что лучше них... а как-то пластичнее, хотя они стараются, а этот явно просто дурачится. К нему тянутся какие-то девочки, вьются вокруг него.

Я не люблю таких, как он, по жизни – слишком избалованных вниманием, слишком самовлюбленных и вызывающе раскрепощенных. Но здесь и сейчас он чем-то цепляет. Притягивает взгляд, внимание, мысли. И странно, но прият-

но будоражит кровь.

Танцпол заполняется, вокруг него сгущается народ, и он пропадает из виду. Теряется среди других танцующих.

Но вот взрывная песенка заканчивается, красавчик выныривает из толпы, подходит к краю танцпола. Кто-то из девочек хватает его за руку, хочет остановить, вернуть обратно, но он мягко выskalъзывает и спрыгивает с танцпола. И идет к барной стойке. А я вдруг понимаю, что неосознанно волнуюсь. Не умом, нет. Но внутри, за ребрами, теплеет и трепещет. Хотя, может, это просто коктейль действует или непривычная обстановка...

Красавчик просит пиво и с непринужденной легкостью взбирается на высокий стул, рядом с ежиком и кучкой девиц. Пиво он пьет жадно и сразу опустошает треть запотевшего бокала, но затем отставляет, и снова его движения становятся ленивыми. Я всё это замечаю лишь краем глаза, как и то, что «ежик» придвигается ко мне ближе.

Ну а красавчик, утолив жажду, ожидаемо начинает флиртовать с девушками. Точнее, они с ним, но он явно не против. Мне даже смешно: как они его делить-то будут?

Впрочем, затем мне становится не до смеха. Опьяневший ежик, который теперь больше напоминает бычка, вдруг кладет мне руку на запястье. Ладонь у него прохладная, но потная. Я брезгливо выдергиваю руку, обращаю на него недоуменный взгляд.

– Что нужно? – говорю жестко.

Но он только расплывается в улыбке, обнажая мелкие, с щербинками зубы. А потом вообще высовывает кончик языка, розового, влажного, и проводит по верхней губе влево-вправо. Фу.

– Доставим друг другу удовольствие? – И смотрит так, словно взглядом поясняет, какое именно.

– Не по адресу, – холодно отвечаю я, содрогаясь внутри от отвращения.

– Здесь в пяти минутах отличный отель... – этот идиот меня не слышит или не понимает. Осоловелый взгляд его забирается в декольте.

Так, пора уходить. И немедленно. В конце концов, можно просто выйти в холл и оттуда вызвать такси. Там же и дожждаться. Даже если этот увяжется следом – в холле есть охрана.

Я спрыгиваю со стула и пытаюсь надеть чертовы туфли. Приходится наклониться, помочь рукой, потому что туфли как будто стали еще уже, чем были.

И вдруг чувствую, как этот урод по-хозяйски шлепает и тут же сжимает мою ягодицу. Я резко выпрямляюсь и отвешиваю ему пощечину. Но это его, очевидно, только раззадоривает, и он прет на меня как танк. Тянет руки. Что-то шипит. Я пячусь и одновременно ищу в сумке баллончик. Но мне попадается что угодно, только не он.

И вдруг между нами вклинивается красавчик. Он заслоняет меня от ежика. Останавливает его. То есть пытается.

— Мужик, остынь, — говорит он. — Оставь девушку в покое.
«Ежик» его отпихивает.

— Пшёл отсюда.

И хотя красавчик гораздо выше, но этот белобрысый просто шкаф по сравнению с ним. Впрочем, красавчик не пасует. И продолжает закрывать меня собой, что-то ему говорит. Но тот только свирепеет и внезапно делает выпад. Однако мальчишка плавно уворачивается. А в следующую секунду «ежик» просто бросается на него всем своим немалым весом. Между ними завязывается драка, и оба, вцепившись друг в друга, валятся на пол...

Я обращаюсь к бармену, но тот, видимо, уже вызвал охрану, потому что те два гиганта в смокингах тут же подбегают и моментально их разнимают. «Ежика», красного, упирающегося, куда-то уводят с собой. А мальчишка встает, отряхивается и уходит.

Я тоже иду в холл. Красавчик скрывается за дверью уборной, а я останавливаюсь и ищу в сумке телефон. И, конечно, первым делом под руку мне попадается перцовый баллончик. Закон подлости.

Пока я загружаю приложение такси, красавчик выходит из уборной. И мы практически сталкиваемся лицом к лицу. Волосы надо лбом у него завиваются темными мокрыми колечками. На коже капли воды. Глаза лихорадочно блестят. Я смотрю на него несколько долгих секунд.

Затем спохватываюсь, что это как-то странно и вообще

надо его поблагодарить. Но думаю почему-то о том, что он очень приятно пахнет...

– Спасибо, что вступился, – наконец произношу я.

Он неопределенно ведет плечом.

– Да ерунда.

– Отнюдь. Ты как вообще? Цел?

– Я... – И он вдруг заливается взглядом на моих губах. В глазах его проступает что-то тяжелое, будоражащее, и странным образом оно тут же находит отклик во мне. Сердце учащает ритм, стучит рвано, дергано, и внутри будто натягиваются, вибрируя, струны...

6. Лера

Я даже не пытаюсь анализировать, что со мной, с чего вдруг такая реакция. Потому что понимаю – это ни анализу, ни контролю не поддается. Я подумаю об этом позже... может быть. А сейчас... сейчас я закрываю глаза, когда этот мальчишка, наклонившись, жарко впивается в мои губы.

Боже, что я знала о поцелуях до сегодняшнего вечера? Оказывается, ничего. Поцелуи Марка были как обязательная часть прелюдии перед основным действием. Все равно что помыть руки перед едой. Быстренько облобызал и сразу к главному "блюду".

Словом, я и не предполагала, что от поцелуя может быть так сладко. До замирания сердца, до головокружения, до подгибающихся коленок.

Губы у мальчишки мягкие, но целует он так, словно подчиняет себе. Захватывает, пленит, покоряет, не дает опомниться. И ещё этот его запах... одуряюще приятный. И у меня будто пол из-под ног уплывает.

И вот уже я, оказывается, обнимаю его за шею. Сама. Перебираю пальцами его волосы. Прижимаюсь к нему теснее... или он ко мне. Не понять.

Потом он отрывается от меня, тяжело, прерывисто дыша. Смотрит совершенно шальным, расфокусированным взглядом и спрашивает:

– Пойдем?

Голос его звучит совсем не так, как там, в зале, когда он урезонивал «ежика». Теперь он низкий, с хрипотцой, и от этой хрипотцы осыпает мурашками спину от затылка до поясницы.

У меня в голове такой сумбур, что ничего не могу ответить.

Мое молчание для него означает «да». И он просто берет меня за руку, тянет за собой, уводит из клуба.

– Как тебя зовут? – спрашивает он.

Мне не хочется представляться. Для меня то, что сейчас происходит, просто побег из реальности. Маленькое ночное приключение, которое не имеет никакого отношения к настоящей жизни. И наши имена тут лишние.

Но все же отвечаю:

– Лера.

– А я – Артём, – отвечает он.

Мне всё равно, как его зовут и кто он. Даже запоминать не пытаюсь.

Мы так и идем по улице, взявшись за руки, как влюбленные подростки. И я едва отдаю себе отчет, что это безумие. Я увязла в своих ощущениях, новых, будоражащих, ни на что не похожих, и сейчас мне просто не хочется выныривать в тоскливую действительность. И домой возвращаться не хочется ещё больше.

– Поедем ко мне? – предлагает он.

Качаю головой.

– Лучше отель.

– Как скажешь.

Он останавливается, порывисто приникает ко мне и снова целует. Нежно, тягуче, словно смакует. Хорошо, что уже поздний вечер – темно и мало прохожих.

На улице уже довольно зябко – сентябрь всё-таки, не лето, но я этого не чувствую. Наоборот, мне кажется, я плавлюсь от внутреннего жара.

– Ты... офигенная, – прерывая поцелуй, горячо выдыхает мне в губы красавчик.

Я сейчас не в себе – это точно, потому что его «изысканный комплимент» пролетает мимо ушей и не охлаждает мой пыл ни на градус.

И ещё, оказывается, мы целуемся буквально в двух шагах от отеля «History 1882».

Красавчик тянет меня к высоким массивным дверям под старину, с ажурной резьбой и позолоченными длинными ручками. Но ярко освещенный холл выглядит вполне себе современным.

Артём (ну, надо же, запомнила) подходит к стойке ресепшна. Две девушки, обе в белых блузках, с бейджиками, ослепительно ему улыбаются и что-то говорят. А я слышу лишь собственный пульс, drobный, оглушительный.

Проскальзывает вялая мысль: что я делаю? Зачем я здесь? Но она тонет под напором странной, необузданной жажды...

даже не знаю, чего именно. Приключений? Новизны? Греха? Мести Гаевскому?

В лифте, едва сомкнулись двери, он вновь прижимает меня собой к зеркальной стенке. Теперь дразнит: обводит верхнюю губу, втягивает нижнюю, посасывает, выпускает. И тут же лифт останавливается.

Я переступаю порог, включаю в коридорчике свет, но номер успеваю оглядеть лишь мельком, потому что как только закрывается за нами дверь, Артём скидывает куда-то под ноги, не глядя, свою курточку, ловит меня за запястье и решительно притягивает к голой груди. Впивается в губы, жадно, настойчиво, неистово, как голодный. И даже немного жестко. Но мне и это вдруг нравится, прямо дух перехватывает.

Не разрывая поцелуя, мы неуклюже, натыкаясь на мебель, двигаемся к кровати.

Руки его нетерпеливо блуждают по телу. Нащупывают на спине молнию – и вот уже узкое платье распахивается на спине, а лямки съезжают с плеч. А затем оно и вовсе падает на пол. И следом бюстгальтер. Всплывает мысль, что мальчик справился с застежками и всем прочим слишком умело и ловко.

Но тут он выпускает меня и немного отодвигается назад. Буквально на шаг. Несколько секунд разглядывает, но смотрит так, что всё внутри трепещет. И я неожиданно нахожу в этом моменте что-то стыдное и вместе с тем возбуждающее. Чувствую, как грудь вздымается ещё чаще, а соски тверде-

ют. И тут же его тяжелый с поволокой взгляд стремительно пьянеет.

Рвано, с шумом выдохнув, Артем снова меня притягивает, вжимает в себя, подталкивает к кровати, одновременно покрывая шею поцелуями.

В первую секунду спину холодит шелк покрывала, но вот он нависает надо мной, опираясь на руки, смуглые, с напрягшимися мускулами и проступившими венами.

Зрачки его расширены, черты искажает желание. Разгоряченное тело головокружительно пахнет молодым жаром. А тяжелое прерывистое дыхание совпадает с моим. И у меня от предвкушения, от осознания того, что сейчас произойдет, точнее, от того, что он со мной собирается сделать, томительно тянет вниз живота.

Но он не торопится, хотя чувствую, что едва сдерживается. Целует губы, скулы, впадину за ухом. Снова губы. Опускается ниже, проделывая извилистую дорожку из поцелуев от шеи вниз, возвращается к груди, обводит языком сосок, обхватывает губами, вбирает. Рука его тоже при деле. Скользит по телу, оглаживает, сжимает, а затем ныряет под тонкую ткань трусиков. Ласкает сначала нежно, едва касаясь, затем – смелее, откровеннее, распаляя меня всё больше. Хотя куда уж?

От удовольствия я закрываю глаза и кусаю нижнюю губу, чтобы сдержать стон. Но с закрытыми глазами ощущения кажутся ещё острее и ярче.

Там, под его пальцами, горячо, требовательно пульсирует. Боже, эти его пальцы вытворяют что-то немыслимое...

С губ моих всё-таки срывается гортанный стон. Живот подрагивает, словно по коже пробегают электрические разряды, а внутри всё сжимается в сладком и мучительном спазме. Я чувствую, что еще несколько секунд и достигну пика. Жду этого. Жажду... Но он вдруг останавливается.

Я распахиваю глаза в разочарованном недоумении. В первый момент еле соображаю – перед взором всё плывет. Потом вижу – он нетерпеливо сдергивает с себя джинсы, предвзвешенно достав из кармана упаковку презерватива. Зубами рвёт фольгу. А я зачарованно и в то же время с волнением наблюдаю за ним, за его уверенными и быстрыми движениями. А заодно оцениваю его. Да, ему определенно есть чем похвастаться. Сложен он прекрасно. Стройный, но крепкий. Широкие плечи, узкие бедра, красивый торс, подкачанный без фанатизма. Опускаю глаза к паху. Из-под плотной ткани боксеров выпирает так внушительно, что эта самая ткань, кажется, вот-вот лопнет. Мне хочется увидеть красавчика всего, целиком. И он, как по заказу, стягивает белье.

Ох, какой... Налитый член, вырвавшись на волю, стоит крепко и ровно, чуть покачиваясь. Артем спускает боксеры к щиколоткам, вышагивает из них. Одно колено ставит на кровать, а сам примеряет к себе латексное колечко и раскачивает по всей длине.

И вот он уже придавливает своим весом. Вжимается меж-

ду ног, упираясь головкой. И я чувствую, как бешено и гулко молотит его сердце, почти в унисон с моим. Но входит он медленно, постепенно наполняя собой. Затем так же неспешно выходит наполовину и снова погружается. Словно принарабливается. Или дразнит? Но мне почему-то хочется быстрее. Я бы даже сказала – не терпится. Так, что невольно подаюсь ему навстречу бедрами. Но он не спешит, двигается плавно, основательно, с оттяжкой, раз-другой-третий. А затем вдруг делает рывок, импульсивный и резкий, выбивая из меня короткий стон. Меня буквально прошивает насквозь вспышкой острого наслаждения. Пульсирующее напряжение внутри растёт, растёт и с очередным рывком взрывается оглушительными, слепящими искрами. Меня выгибает дугой, а по телу пробегает волна мелких судорог. Я задышаюсь и даже кажется, что сердце замирает.

Но он не останавливается, меняет позу, другую, переворачивает меня, вращает, пробует и так и этак. Благо кровать огромная, есть где разгуляться. Я чувствую себя в его горячих руках глиной, из которой он вылепливает всё, что ему вздумается.

И вновь ему удастся меня распалить и в считанные минуты довести до оргазма. Пусть и не такого яркого, почти болезненного, как в первый раз. И это получается у него естественно, само собой, а вовсе не потому, что красавчик задался целью впечатлить и всюю старается. Нет, он и сам наслаждается процессом в полной мере, берет с азартом, увлечен-

но, вдохновенно. И только перед самой разрядкой срывается в хаотичный рваный темп.

Несколько минут мы оба лежим, распластавшись на сбитой постели и переплетаясь руками и ногами. Обессиленные, слушаем, как медленно затухают остатки пережитого наслаждения. Дыхание постепенно выравнивается. Тяжелый дурман в голове рассеивается.

Я первая поднимаюсь и иду в душ. Но не проходит и пяти минут, как он вторгается следом.

– Нет, давай... – пытаюсь возразить я, но он закрывает мой рот губами. Прижимает меня собой к мокрой стене. Целует так, словно год никого не целовал и наконец дорвался. Вминает пальцы в бедра, притягивая к себе еще теснее.

Когда на миг отстраняется, я уже и не против принять душ с ним вместе.

Никогда этого не делала ни в ванной, ни где-либо еще, кроме как дома, в спальне, на кровати. И думала, что всё такое – просто уловки порноделов, чтобы хоть как-то разнообразить сюжет, а на практике заниматься сексом в душе – слишком неудобно, неповоротливо, мокро, опасно. Но... как же, черт возьми, приятно! Хоть и потом из ванной выхожу на дрожащих от слабости ногах. Падаю без сил на кровать, сворачиваюсь калачиком и засыпаю почти моментально, забыв о том, что собиралась сразу же уехать.

Во сне я почему-то продолжаю изнемогать от удовольствия, да так, что просыпаюсь вдруг от собственного стога.

И тут же чувствую, как Артем, целуя мою шею, прижимается ко мне сзади пахом, уже опять готовый к труду и обороне, а его пальцы у меня между ног опять вытворяют все эти его волшебные штучки: то потирают клитор, то слегка оттягивают, то давят на него, а затем проникают внутрь.

Я, может быть, и хочу сказать: «Давай уже хоть немного поспим, а?»». Но поддаюсь его напору и даже по-кошачьи выгибаюсь ему навстречу...

Мальчишка засыпает только под утро, а у меня, наоборот, сна теперь ни в одном глазу. Стараясь не шуметь, я быстро собираю свои вещи, одеваюсь и ухожу. Практически сбегая.

Заказываю такси уже из холла. Вчерашние улыбчивые девушки на ресепшне смотрят на меня с холодным высокомерным равнодушием. Даже думать не хочу, за кого они меня приняли. На мнение людей, которых я не знаю, мне плевать.

Наконец выскакивает оповещение, что такси ждет у входа. С гордым видом выхожу, сажусь в машину, и через полчаса меня высаживают возле дома. На улице серо, туманно и чертовски холодно, и всего за несколько шагов от машины до подъезда я успеваю продрогнуть так, что затем еду в лифте и стучу зубами.

Открывая дверь, мечтаю о горячей ванне, но в прихожей меня встречает Гаевский. Раздраженный, злой, невыспавшийся.

Что ж, одно удалось мне точно – за всю ночь я о нем ни разу не вспомнила.

Он сверлит меня взглядом и тяжело обиженно сопит, пока я раздеваюсь. А затем вдруг заявляет с видом оскорбленной добродетели:

– Тебя не было всю ночь! И где это ты, спрашивается, была?!

7. Артём

– Тём, – будит меня мама. – Вставай. К тебе Лена пришла.

Я с трудом разлепляю один глаз. Качаю головой, мол, какая ещё Лена. Спать хочу. Но мама не уходит.

– Вставай-вставай. Ночами надо спать. Мы уже сейчас уезжаем. Лена тебя ждет в гостиной.

Да какого хрена! Что этой Ленке надо в субботу утром?

Шарю по полке над изголовьем кровати, нахожу телефон.

Упс, уже не очень-то и утро. Почти час. И всё равно с трудом выползаю из-под одеяла. Плетусь в ванную, как полупьяный, по пути натягивая шорты. Чищу зубы, созерцая свой помятый фейс в зеркало. На шее за ухом длинная взбухшая царапина, а чуть ниже побледневший след засоса – Камила постаралась и с тем, и с этим.

Пока мы встречались, она вечно норовила отметиться, чёрт знает, зачем. Ну а царапину сделала вчера вечером. И это я ещё уклониться успел. А то бы и без глаза мог остаться. А заодно и с разбитым черепом – когда я уходил, она запульнула вслед пустой пивной кружкой. Увесистой такой. Но промахнулась, и кружка, просвистев рядом с ухом, разбилась о стену.

Но всё это ерунда, главное – мы наконец разбежались.

Я вообще до сих пор недоумеваю, как меня угораздило

задержаться с ней так надолго – с апреля... или нет, с мая, точно не помню. И по вчера. Я ведь категорически не сторонник отношений. Затусить с девочками, провести приятно время – это одно. Это в кайф. А вот всё остальное... уже кандалы и гиря на шее. Не хочу.

Ну, во всяком случае, сейчас. Пока молодой, хочу быть свободным. Успею ещё связать себя всякими обязательствами. И тем не менее вляпался вот.

Где-то в конце весны мы случайно познакомились с Камиллой – она тоже на юрфаке, только на курс младше. Красивая такая брюнеточка. Ну и как-то само собой завертелось всё. Хотя, по факту, нормально встречались мы только месяц, наверное. Остальное время мы или ссорились, или я её тупо избегал. Особенно под конец, но там уже вообще полный мрак был. Она звонила чуть ли не каждые два часа: где ты? Что делаешь? С кем ты? С друзьями? А почему не со мной?

Домой приходила, причем несколько раз ночью. И чуть что – истерика и слезы.

Камила даже моих умудрилась достать. Мама, которая никогда не лезла в мою жизнь лет с четырнадцати, выдала на днях: «Артем, надо быть честным со своими девушками, подругами... или кто она там тебе. Если для тебя всё кончено, если нет больше чувств – так и скажи. Ну и... по правде говоря, она уже меня настораживает». Вот я и сказал.

Слышу, как мои уходят. Мама что-то говорит напоследок Ленке. Ксюша, сестра, тоже что-то верещит задорное. Потом – хлопок двери, и становится тихо.

Отец повез их отдохнуть в Аршан, пока ещё тепло. Источники там какие-то минеральные, Тункинская долина, горный воздух и всё такое. Вернутся только завтра вечером. Можно было бы что-нибудь дома замутить, пока их нет. Вписку, например, но неохота. Хочется тишины и покоя.

Блин, старею, что ли? Да пофиг. После вчерашнего реально хочется побыть одному в тишине. В кои-то веки. Сейчас Ленку только спроважу...

Но спускаюсь на первый этаж и сначала тащусь на кухню мимо гостиной. Трогаю чайник – горячий. Наливаю себе чай покрепче и послаще и с кружкой иду к Ленке.

Она, конечно, не Камила. Слава богу. Но с ней все равно как-то напряжно. Это всегда так, когда тебя кто-то любит, а ты – нет.

Ленка Свиридова живет в соседнем таунхаусе, учится со мной в одной группе на юрфаке и общается с моей мамой, почти как подружка. Иногда придет к нам и засядет часа на два. Я сливаюсь, естественно, да она и типа не ко мне, а к маме ходит. Рассказывает ей что-то, тоже вот чай пьет. Маме это всё, конечно, нафиг не надо, у неё с работой вечно запара и времени ни на что не хватает. Но она у меня такая ... очень деликатная. Ну и то, что Ленка меня любит, для мамы кое-что да значит. А любит она меня, по её собственным словам,

с первого курса. Увы.

– Привет, – здороваюсь я с Ленкой и усаживаюсь в кресло напротив.

– Привет, – улыбается Ленка, не замечая моей недовольной мины. – Слышала, ты вчера со своей Камилой порвал и потом еле ноги унёс. Люди говорят, она там тебя чуть не убила.

– Люди врут. Мы очень тепло расстались, – без зазрения совести вру на самом деле я. И отпиваю из кружки. Вообще-то я чай не очень, но после зубной пасты почему-то только его могу пить. Всё остальное питье кажется ужасным.

– Скорее, горячо, – хмыкает Ленка, показывая, что не купилась и вообще в курсе вчерашнего. – Люди не только говорят, но и показывают.

– Ммм... говорит и показывает... – напел я строчку из «Пикника», отцовская любимая группа. Когда выезжаем с ним куда-то, на турбазу или на природу, он всенепременно исполняет на гитаре что-нибудь из «Пикника».

– Не веришь? Смотри сам, – Ленка достает телефон, что-то в нем ищет, потом подает мне.

На видео мы сидим с Камилой за столом вдвоем, в «Лондон Пабе», она размахивает руками. Потом вскакивает, кричит, хотя из-за музыки в баре особо ничего не слышно. Но я и так всё помню – это я ей сказал, что мы разбегаемся. А она: «Ты меня бросаешь?!». А я: «Ну, можешь ты меня бросить». Дальше – сплошные маты и околматы. Короче, наслушав-

шись, какой я урод, я встал и пошел на выход. Она кинулась следом – вот это уже прямо хорошо видно. У кого-то отличный зум. Набросилась сзади – я еле от нее отбился. Тогда она меня и расцарапала. Потом поймал ее за руки и, кажется, не слишком нежно вернул её обратно за стол, а сам подошел к бармену, заплатил и отправился на выход. И тут Камила, как гранату, кинула пивную кружку, но попала в стену. Ну и на этом всё.

– Кто это снял? – без особого интереса спрашиваю я.

– Ну, наверное, тот же, кто и выложил, – усмехается Ленка.

Логично, только тиктокерский ник мне вообще ни о чем не говорит, а ведь наверняка кто-то из знакомых. Кому-то чужому было бы на наши разборки пофиг.

В общем-то, мне без разницы. Но в комментах под видео народ глумился. И досталось нам обоим, но ей больше. Если в двух словах: я – урод, кабель и мудак, Камила – тупая сучка и бешеная истеричка. Только мне всё это глубоко пофиг, а вот Камила, если увидит, расстроится, конечно.

У меня даже был порыв влезть в ветку и ответить, чтобы ее оставили в покое. Чего они как мрази? Но потом думаю: да черт с ними, собаки лают – ветер уносит.

– Кто все эти люди? – морщась, возвращаю Ленке телефон. – Заняться им, что ли, нечем?

Ленка, улыбаясь, пожимает плечами.

– Так ты пришла, чтобы мне это показать?

– Да нет, не это, – вдруг оживляется она.

– Ещё что-то есть? – у меня вырывается короткий смешок.

Но Ленка встает с дивана и подходит к окну.

– Иди сюда, – зовет меня.

Я нехотя поднимаюсь и иду к окну. А за окном перед домом красуется чей-то новенький красный спорткар.

– Твой, что ли?

– Да, – хвастливо сообщает Ленка и показывает ключ с брелоком. – Папа подарил. Хочешь, погоняем?

Вообще-то, хочу. Мне такие подарки вообще не светят. Не потому, что родители жмутся, как раз нет, они у меня мировые и почти любой наш с Ксюшкой каприз готовы исполнить, ну, в пределах разумного, естественно. Но у мамы навязчивая идея, что я могу сесть нетрезвым за руль и разбиться, как отец когда-то в юности. Я раньше спорил, что могу и под чужие колеса попасть. И что мне теперь – вообще на улицу не выходить? Но отец встал на ее сторону, типа мамино спокойствие дороже. Ну и я типа согласился.

Я в темпе одеваюсь. Выходим, садимся в Ленкину красоту и срываемся с места. Разгон у нее, конечно, шикарный. Вылетаем за ворота нашего района и мчимся на полной скорости по загородной трассе, только ветер свистит в ушах. Аж дух захватывает. Кайф невероятный. Ленка еще врубает какую-то задорную муть из «Ляписа Трубецкого». Я такое вообще-то не слушаю, но сейчас прямо в настроение. Мы с ней даже подпеваем на пару: «Украду тебя, украду ночью... уве-

зу тебя, увезу в Сочи». Хотя какое там пение – больше орем, конечно, ну и ржем чуть не до слез.

– Тём, приходи сегодня в «Инкогнито», – говорит Ленка, когда мы спустя часа три подъезжаем к дому. – Машинку обкатали, вечером – обмоем. Все наши будут.

– Ну если ничего поинтереснее не наклюнется, так и быть, приду, – шучу я.

– Вот ты гад, – Ленка, конечно, знает, что я шучу, игриво лупит в бок, в плечо. Я типа защищаюсь, и вдруг оба замираем. Такой момент возникает, какие я очень не люблю. Не знаю, как это описать. Типа смотришь на человека, а он – на тебя и понимаешь, что сейчас между вам происходит что-то серьезное и откровенное. Как будто с тебя в эту секунду кожу сняли. И чувствую, Ленка подается ко мне, и пока ничего не произошло – я её останавливаю.

– Лен, ты же знаешь. Я уже говорил. Тебя любит Гарик. Мой друг с детства. Так что даже не начинай. Я с ним так поступить не могу.

Ленка сразу же стервенеет.

– Да плевать я хотела на этого твоего Гарика! Меня кто-нибудь спросил, чего я хочу?

Машина с визгом уезжает и скрывается за поворотом. Ленка права – я та еще скотина. И Гарика приплетаю сюда лишь потому, что не могу ей сказать, что она как девушка мне не нравится. То есть нравится, конечно, она же краси-

вая. И если бы мы не дружили, то раз-другой я бы с ней запросто зажег, даже с удовольствием. Но когда к тебе относятся по-серьезному, то как-то стремно пользоваться.

Однако через пару часов Ленка звонит как ни в чем не бывало и опять зовет в «Инкогнито».

Мы часто тут собираемся. Тут, в целом, круто, нет всякой швали, никто не банчит, не устраивает разборок, типа, приличное общество. На первом этаже бар и танцы, на втором – ресторанчик. Мы, конечно, зависаем на втором. У нас там даже свой столик имеется. И знакомые официантки.

Я приезжаю чуть позже, когда все уже в сборе и слегка накатили.

– О, Тёмыч, чего так долго? Мы тут уже... – лопочет Гарик.

– Соскучились? – хмыкаю я. Здравуюсь с ним, Никитосом, Владом. Сажусь подальше от Ленки. Но она ведет себя и правда так, будто сегодня ничего не было. И это хорошо, хотя я все равно ощущаю какой-то напряг. Наверное, потому что Ленка веселится как-то наигранно и всячески поощряет Гарика. Вот честно, мне его жалко. Она уже три года держит пацана на коротком поводке, как верного пса, но вряд ли ему светит что-то большее, чем поцелуй в щечку.

А потом мне стало скучно. Так часто бывает, и в последнее время – всё чаще. Мне вдруг надоедают одни и те же разговоры, темы, подколы. И я обычно сливаюсь. Сегодня тоже – обсосали наш с Камиллой разрыв и видос в тиктоке. Поспо-

рили, как скоро я снова с кем-то закручу.

– Не скоро, – заверяю я.

Наши понимающе ржут. И тут же начинают делать ставки в шутку: неделю, две, месяц.

– Не! – выступает Гарик. – Столько Темыч не выдержит.

– Да ну нафиг, – встревает Никитос. – У меня бы после такой бешеной, как эта Камила, аллергия была бы год на баб. Не меньше.

– Тебе она ничего плохого не сделала, так что язык прикуси, – обрываю я его.

– Шаламов, ты куда? – спохватывается Ленка, когда я выгребая из-за стола.

– Пойду подышу подвигаюсь.

– Вернешься? – спрашивает Ленка.

Но я уже спускаюсь по лестнице на первый этаж. И у бара сразу натыкаюсь взглядом на девушку. Там всегда крутятся девчонки, но эта какая-то совсем другая. Не знаю, как описать. Это просто видно и всё. Она взрослая, хоть и молодая. И стильная, что ли. Или породистая. Ну и типа явно знает себе цену. Кругом кошечки, а она – пантера. Или нет. Кругом рыбки гуппи, а она – акула.

Она тоже меня разглядывает. А у меня от ее взгляда аж кровь заиграла. Подкатывать к ней я не собираюсь. Даже мысли такой нет. Потом замечаю, что она босиком. Это вообще разрыв шаблона. Но видно, что ноги у нее красивые, изящные такие.

И вдруг меня какая-то девчонка обливает чем-то холодным... блин, томатным соком. Твою ж мать!

Сначала думаю вообще свалить домой, но почему-то выбрасываю майку и возвращаюсь. К ней не подваливаю. Она хоть и продолжает на меня смотреть, но вижу – ловить там нечего. Даже мне.

Поэтому отжигаю на танцполе так, что пересыхает во рту. Потом подхожу к Илье, бармену, беру пиво. Болтаю заодно с девчонками, но и за ней палю краем глаза. Без всяких прицелов. Просто вижу, что к ней клеится какой-то хмырь. И сразу напрягаюсь. Он явно какой-то неадекват. И точно – спустя несколько минут он начинает распускать руки. А она – красотка. Не теряет самообладания. Но все равно, конечно, нервничает. Еще бы, такой боров на нее попер. Еще и вдрызг бухой.

Я, хоть и не любитель всяких разборок и мордобоя, встречаю между ними. И вот мы уже катаемся с этим боровом по полу. Он крупнее меня раза в два минимум. По ощущениям – будто меня придавило колодой. Но почти сразу его с меня дергивают охранники и куда-то волокут.

Я тоже сваливаю в уборную. Ополаскиваю руки и лицо, отряхиваюсь насколько возможно. И тут звонит Гарик, наверняка по просьбе Ленки. Ты где пропал? Когда вернешься? Тебя искать?

– Да скоро я. Я тут с одним утырком сцепился.

– С чего вдруг? – удивляется Гарик. И слышу шипит на-

шим: – Э, тихо. Тёмыч там с кем-то рамсанул.

– Да пристал тут к девушке быдлан один бухой.

– О, ты типа герой, – хохочет Гарик. – Девушка-то из себя ничё хоть? Зачетная?

– Иди в жопу, – огрызаюсь я беззлобно.

– Спроси, спроси, – слышу фоном, – нам, может, спуститься? Помочь?

– Не, уже всё. Сейчас вернусь.

Выхожу из уборной и сталкиваюсь с этой акулой, пантерой, в общем, с Ней.

Она – шикарная. И вдруг первая заговаривает со мной. А я пялюсь на нее и снова ловлю тот момент, как сегодня днем с Ленкой. Как будто именно сейчас всё по-настоящему, и вот-вот что-то произойдет. Только теперь мне не хочется свалить. Наоборот, неудержимо тянет к ней. В голову шибает кровь. И я уже ничего не вижу кроме ее глаз, ее губ. А в следующий миг впиваюсь в эти ее губы...

8. Лера

– Я спрашиваю, где ты была всю ночь? – повторяет свой вопрос Гаевский и тащится за мной в спальню. – То, что мы поссорились, не дает тебе права болтаться всю ночь неизвестно где... и заставлять меня переживать! Я не знал, кому звонить... где тебя искать... А ты даже на звонки мои не отвечала...

Сказать бы ему, где я была и что делала, и посмотреть, как вытянется его холеное лицо. Но это будет выглядеть как месть обиженной женщины. Так что нет, много чести ему.

Да и потом, если полюбовно развестись не получится и дело дойдет до раздела имущества, не стоит давать Гаевскому лишний козырь. Увы, для суда трепло и подонок муж – это просто лирика, а вот супружеская измена – отягчающий фактор.

– Ты, Марк, – советую ему, не оборачиваясь и снимая платье, – подумай как следует ещё раз прежде, чем заикаться о правах и вообще о чем-то меня спрашивать.

– Что? – хлопает он глазами.

Я достаю из шкафа банное полотенце и чистое белье. Подхожу к Марку и говорю совершенно спокойно:

– У тебя есть час, чтобы собрать свои вещи и уйти отсюда.

– Что значит – уйти? Я не собираюсь никуда уходить! –

взвизывается Марк. Он начинает нервничать и идет пятнами. – Мы, как-никак, женаты! И я здесь прописан. Это теперь и мой дом тоже. И ты не можешь вот так взять и вышвырнуть меня из моего дома.

– Гаевский, – устало вздыхаю я. – Ты прекрасно знаешь, что я найду множество способов вышвырнуть тебя, да так, что ты мне ещё должен останешься. Уж поверь, для тебя самого будет лучше сейчас просто уйти.

– Лера, – он сразу сбавляет тон, хоть и заметно злится, – ну что ты ведешь себя как маленькая? Я всего лишь сболтнул лишнего. Потому что выпил. На самом деле, я не хочу разводиться! Ты же знаешь, как я к тебе отношусь...

– На самом деле мне плевать, что ты хочешь, чего ты не хочешь и как ты к кому относишься. Дорожная сумка на антресолях. Надеюсь, справишься.

– Лера! – он почти в отчаянии. – Да что ты заладила! Ну что за детский сад? Давай поговорим как взрослые люди? Я был неправ, признаю. Ну, хочешь извинюсь? Ну, извини меня... А хочешь, к семейному психологу будем ходить?

Я обхожу его и иду в ванную. Марк опять идет следом и нудит.

– У всех семейных пар бывают проблемы. И у Дэна с Сонькой, и у Славяна с Тарасовой. И это нормально их проговаривать... Но зачем сразу рубить...

Я останавливаюсь в дверях в ванной и, нацелив в него указательный палец, повторяю на этот раз жестко.

– У тебя есть час. Не уйдешь – пеняй потом на себя.

Закрываю дверь изнутри. Он продолжает скрестись, бубнить, даже дергает ручку двери, но не сильно. Я включаю душ, и его шум заглушает нытье Марка.

Горячие струи щекочат и обжигают кожу, выгоняя озноб. Я расслабляюсь, даже глаза закрываю... и тут же непрошено вижу, словно воочию, моего ночного красавчика. Его темные глаза с поволокой, его губы, его тело. Вспоминаю, как он забрался ко мне в душ, как легко заставил меня изнемогать от его поцелуев и откровенных прикосновений, как потом вжимал меня в стену душа и как, не напрягаясь, удерживал меня практически на весу. Всё это представляю так живо, что кажется, будто до сих пор чувствую на себе его руки, его губы... Внизу живота сгущается приятная тяжесть.

И я вдруг ловлю себя на мысли, даже не на мысли, а на неосознанном желании: хочется ещё того жара, тех ощущений. Рука невольно тянется вниз, а воображение вдруг рисует совершенно непотребную сцену, и я, слава богу, тут же прихожу в себя. Совсем с ума сошла!

Страхиваю это наваждение и говорю себе: было хорошо, даже очень, что уж скрывать. Но этого вообще не должно было случиться. Это ошибка. Большая ошибка, которая может вылиться во что угодно. От потери репутации до...

Впрочем, к чему это самобичевание? Да, поступила я крайне легкомысленно и опрометчиво. И чего уж – непристойно, как какая-то... Нет, не хочу себя обзывать. Это был

стресс, за что "спасибо" Гаевскому. Но ничего уже не изменить. Надо просто этот странный случай выкинуть из головы. Стереть из памяти и жить дальше.

В конце концов мне повезло не встретить никого из знакомых. Так что, на мое счастье, никто об этом моем грешке не узнает: ни Гаевский, ни мои родители, ни его, ни бесчисленные знакомые, коллеги, клиенты...

Мальчишку того я видела в первый и последний раз в жизни. Без понятия, кто он такой, как его зовут, откуда... Артем – тут же всплывает на ум.

Ну да, Артем. И невольно снова улыбаюсь своим мыслям. Красивый все-таки мальчик. Мое маленькое ночное безумие. Моя большая тайна...

Когда выхожу из ванной, с удовлетворением отмечаю, что Гаевского нет. Ушел. Разумеется, я не настолько наивна, чтобы уверовать, что удалось так легко от него избавиться. Нет, всё ещё впереди. Гаевский не из тех, кто великодушно уходит в закат. Сначала он будет ныть, убеждать, давить на жалость. Затем наверняка подойдет кого-нибудь из общих знакомых, друзей, свекра или свекровь, чтобы вразумили, какое сокровище я теряю. Может, даже к моим родителям за помощью обратится, у этого совести хватит.

Когда ничего не выйдет – начнется «самое веселье». Не сомневаюсь, что он извернется весь, чтобы себя выставить в лучшем свете, а свою неблагодарную женушку запятнать.

Просто назло.

И сразу вспоминаю, как он гнусно слил одного из своих коллег. Тому светил какой-то грант, на который претендовал и Марк. Вот Гаевский и пустил волну, что тот парень, якобы, свою работу написал не сам, а заказал у кого-то.

Оказалось, что сам, но время было упущено. Помню, как Марк обиделся на меня за то, что я его не поддержала. Как негодовал и возмущался, что встала на сторону того несчастного. Как оправдывал свой поступок тем, что он искренне верил, что тот смошенничал. Доказывал с пеной у рта, что его в этом убедили, а он просто счел своим долгом донести куда следует. Кричал, что раз такое дело, то сам откажется от гранта.

Тогда я захотела поверить ему и поверила, что Марк не подлый, а просто не разобрался, совершил ошибку. Да, испортил человеку жизнь, но ведь не со зла. Убедила сама себя. Наверное, потому что человеку до последнего не хочется верить в то, что близкий человек может быть подонком...

До обеда я позволяю себе поспать, потом сажусь за работу. Изучаю материалы дела, выписываю ключевые моменты и вопросы, которые требуют уточнения, и на всё это у меня уходит несколько часов. Я бы так и всю ночь могла запросто просидеть и не заметить, но меня отрывает звонок в дверь. Неужто Гаевский вернулся?

Сдерживая раздражение, иду к двери. Если только это он,

грозно обещаю про себя, то... Но это отец Марка, Алексей Германович.

Он проходит в комнату, мельком оглядывая кипы бумаг, над которыми я сейчас работала. Садится в кресло, закинув ногу на ногу, и царским жестом приглашает меня сесть рядом, то есть в кресло напротив.

– Алексей Германович, вы извините, конечно, но у меня много работы и мало времени, – предупреждаю я.

– Что, для свекра и полчаса не найдется? – хмыкает он. Ему неприятно, потому что отец Марка любит, когда перед ним лебезят. Но сейчас он свое недовольство прячет. Значит, делаю я выводы, ему от меня что-то надо.

– Что вы хотели, Алексей Германович?

– Поговорить, – разводит он руками. – Если молодые не могут сами разобраться со своими проблемами, мы должны помочь словом, делом, советом...

– Нет, у нас никаких проблем. Кончились, – сообщаю я. – Я просто хочу развестись с Марком.

– Не пори горячку, Лера. Если бы мы с матерью Марка разводились всякий раз после таких вот ссор... А твои родители что, никогда не ссорились? Не ругались? Но никто сразу же не кидается разводиться...

Я его почти не слушаю, просто даю ему выговориться, а сама думаю о своем. Целый час, не меньше, он рассуждает, убеждает, сыплет чужими примерами. В конце концов доходит до главного.

– Лер, давай договоримся так. Вы просто возьмете с Марком тайм-аут. Поживете раздельно, подумаете. Месяц, два, три, сколько понадобится. Просто дадите время друг другу, чтобы остыть и всё взвесить. Если уж ничего не выйдет... ну, что ж...

– Я и так знаю, что не выйдет.

– Это в тебе говорит обида. Я же не требую немедленно помириться, я всего лишь прошу – не торопись.

Я не спору. Просто хочу, чтобы он скорее ушёл.

Но, помявшись, Алексей Германович продолжает:

– К тому же, ты помнишь, что Марк хочет поехать весной на стажировку в Канаду? Это для всех нас очень важно.

– Ну и?

– И развод в этой связи крайне нежелателен. Богомазов всегда выступает против того, чтобы отправляли неженатых специалистов за границу. Мол, могут не вернуться. Женятся там и всё. И получается, говорит, что мы растим кадры, вкладываемся и дарим их буржуям... Дурдом, конечно, но решающее слово будет за ним.

Я молчу, глядя отцу Марка в глаза. Как же меня достали эти Гаевские. Угораздило же меня вляпаться в их семейку. Хотя... чисто по-человечески, понять его могу. Кому захочется упускать такой шанс?

– Пожалуйста, – просяще говорит он. – Тебя этот штамп не задавит ведь?

– Я подумаю, – уклоняюсь я от прямого ответа. На самом

деле плевать мне на Марка и его честолюбивые планы. Я просто не хочу сейчас тратить время на спор с его отцом. Но Алексей Германович сразу веселеет.

– Кстати, Лера, не хочешь взять «Уголовно-процессуальное доказывание» вместо Иванова? У четвертого курса...

– А что не так с Ивановым?

– Да расклеился наш Пал Палыч совсем, болен тяжело... – скорбно вздыхает Алексей Германович. – И эти за его часы уже дерутся.

Я сначала отказываюсь. Куда мне столько? Хотя... это, пожалуй, интересно. И дисциплина близка. Да и Марк на другой кафедре, не будет глаза мозолить.

И, может, кого-нибудь из студентов посообразительнее присмотрю потом себе. Как раз вон и курс четвертый...

9. Артём

Просыпаюсь и в первый момент не могу ничего понять. Сажусь в постели и, стряхнув остатки сна, озираюсь. Вижу, что не дома. Чужая кровать, чужие стены. Соображаю, что какая-то гостиница. А потом вспоминаю всё...

Оу...!

И снова валюсь на спину, как подкошенный. Запрокидываю руки за голову, и губы сами собой расползаются в улыбке, а по телу разливается тепло. Охренеть просто, какой я вчера сорвал джекпот! Ну, в смысле, с какой женщиной был.

Она просто офигенная. Крутая. Нереальная. И в постели – космос.

Кому другому и не поверил бы, что такую королеву можно прикатать на секс вот так легко, в первую же встречу. Правда, я её и не прикатывал, конечно. Даже не собирался. Всё вышло как-то само собой. И вышло бомбически.

А где она, кстати?

Я снова поднимаюсь, озираюсь по сторонам. Кругом пусто. Потом заглядываю в ванную – её нет. А перед глазами вспыхивают кадры, как мы с ней здесь зажигали. От волнующих воспоминаний в паху горячо потянуло.

Я бы повторил вчерашнее! Но она, очевидно, с утра пораньше ушла. Странно как-то...

Не то чтобы я огорчился. Вовсе нет. Наоборот, так даже

лучше. Избавила нас обоих от неловкого момента, когда после классного секса надо как-то по-человечески, без обид, распрощаться. Просто у меня плохо получаются такие вещи. В смысле, не умею я уходить красиво после разового секса. Не знаю, что сказать. Спасибо, было круто, пока. В итоге обязательно встречаю в какие-то выяснения отношений, которых даже нет. И более-менее приятная ночь часто заканчивается выносом мозга в духе: и всё? Для тебя это был тупо перепих? И ты просто так свалишь? Ну ты и мудака!

Я соглашаюсь: да, да, мудака. Ну не спорить же: камон, мы познакомились в ночном клубе! Для чего? Кто там ищет отношения серьезнее, чем на одну ночь? Да никто. Вон Никитос в таких случаях берет телефон, обещает завтра позвонить и сразу вносит в чс.

Однако впервые на моей памяти вот так по-тихому слилась девушка. Лера, всплывает вдруг. Её зовут Лера. Не знаю, зачем мне эта инфа, но вспомнил её имя и снова тянет улыбаться.

Всё-таки она офигенная! С ней бы я даже ещё разок повторил. И то, что она вот так ушла без всяких этих: «А когда снова встретимся?» и тому подобное, – только начисляет лишних очков в её пользу. Ну, может, только слегка досадно. Ну типа как ощущение недосказанности какой-то осталось, не знаю... Но настроение всё равно супер.

Я не спеша собираюсь, одеваюсь и выдвигаю домой. Хочу вызвать такси и обнаруживаю безумное количество пропу-

ценных звонков и непрочитанных сообщений. От Ленки, от Гарики, от... в общем, от всех наших и от мамы. Перезваниваю ей, но трубку берет отец.

– Они с Ксюшей на экскурсии сейчас, а телефон там все равно не ловит. А ты чего вчера не отвечал? Гулял опять? Маму разволновал. Я ей, конечно, так и сказал, но ты же её знаешь. Трудно ответить?

– Я не слышал.

– Пороть тебя надо, – беззлобно заявляет отец.

– Поздновато.

– Ничего, лучше поздно. Ты там вообще как? Цел? Ни во что не вляпался? Дома нормально всё?

Отец всегда так спрашивает, как будто едва они за порог – и я сразу встречаю в неприятности. На самом деле, по сравнению с детством, я вообще беспроблемный. Это мелким я им вечно давал жару: то чуть дом не спалил нечаянно, то с крыши навернулся и обе ноги сломал, спасибо не шею, то едва не утонул на море, а то вообще меня на вокзале чуть не украла какая-то цыганская семья. Позвали с собой, я и пошёл, пока отец на что-то отвлекся. Всё это я уже очень смутно помню, но отлично представляю теперь, что родители пережили за те несколько часов, пока меня искали.

Мама меня потом от себя долго не отпускала ни на шаг. Отец говорит: изнежила пацана, разбаловала. Но на самом деле, когда мне надо что-то такое, чего как бы нельзя, я уж скорее у него попрошу, чем у нее. Он и не откажет, и под-

держит, и прикроет всегда.

До вечера болтаюсь, не зная, чем себя занять, пока мои не возвращаются из Аршана. Дома сразу становится шумно, как будто их не трое, а минимум целый взвод. Ксюшка прыгает мне на спину, цепляется за шею, целует сладкими липкими губами в щеку. И минут десять я хожу с ней как с рюкзаком.

Потом мама сует мне бутыль с водой. Говорит, целебной. Я отвинчиваю крышку, и в нос ударяет жуткая вонь.

– Фу, что за гадость, – возвращаю ей эту целебную воду.

– Тёма, ты ничего не понимаешь. Это вода из сероводородных источников. Она очень полезна! – доказывает мама. – Люди специально едут за ней в Аршан. Я там на этих камнях скользких... страшных прыгала, пока ее собирала... Чтобы вам привезти... Она и для иммунитета, и от гастрита, и для сердца... С санскрита, между прочим, это нектар богов.

Я снова принимаю.

– Ой нет. Это ж тухлятина какая-то.

Отец угарает вслух.

– Что, не хочешь подлечиться?

– Ай да ну вас! Не хотите, как хотите, – сердится мама и уносит бутыль с нектаром на кухню. – И ты, Эдик, тоже хорош.

Спустя два часа, когда мы все вместе ужинаем, она еще обижается. Не то что прямо смертельно дуется, но разгова-

ривает с таким видом «я для вас старалась, а вы, неблагодарные...».

Отец сначала пытается ее расшевелить, шутит о чем-то, потом тяжело вздыхает и произносит с видом жертвы:

– Ладно, Эм, давай свой нектар богов. Сколько надо выпить, чтоб меня простили?

И ведь правда пьет. Почти стакан выдувает. Лицо у него, конечно, в тот момент – просто атас. Но мама сразу становится веселой и нежной. Заев всё это дело и мясом, и овощами, и вообще всем, что было на столе, он обращается ко мне:

– А ты чего?

– Не, я – пас.

– Кишка тонка?

– Тонка, – соглашаюсь я.

– Эти зумеры, – насмешливо фыркает отец.

– Тогда, может, тебе ещё добавочки? – шутя, предлагает мама. Отец строит мученическую гримасу, а Ксюшка взрывается хохотом. Короче, обычный наш семейный ужин.

10. Артём

С нашими встречаюсь только в понедельник, уже в универе. Точнее, возле универа, перед парковкой, где теперь на самом видном месте стоит Ленкин спорткар.

И только я появляюсь, как все сразу на меня накидываются: ты где был? Куда пропал в субботу? Мы обыскались! Весь клуб перевернули! Почему не отвечал? А вчера почему не перезвонил?

Только Влад и Клео, как всегда, заняты лишь друг другом. И сейчас тоже – стоят и целуются. Вообще-то Клео по паспорту Клара. Но все привыкли её звать только так с подачи самой Клео. К тому же она и стрижется под Клеопатру.

– Это какой сволочью надо быть, чтобы так всех кинуть?! – злится Ленка, негодуя. – Ты вообще в курсе, что надо, как минимум, предупреждать людей, что уходишь? Мы уже думали звонить ментам или куда ещё. Не знали, где тебя искать! Тем более какая-то драка там была! Клео пришлось напрягать своего знакомого, чтобы тот с охраной клуба связался. Чтобы мы по камерам посмотрели. И знаешь что? Ты ещё бо́льшая сволочь, Шаламов! Мы, оказывается, с ума сошли, а ты просто с какой-то бабой свинтил! Что ты за урод такой, а? Мог хотя бы позвонить!

Когда она так говорит, реально чувствую себя не очень. Но если отмотать всё назад, ещё бы десять раз сделал так же.

– Так уж получилось, – пожимаю плечами.

– И всё? Так получилось? Ты просто пошел и снял левую бабу, наплевав на нас всех...

– Никого я не снимал.

– А что, она тебя сняла?

Ленка мертвого достанет! Но главное, мне вдруг неприятно, что она называет еёбабой.

– Да угомонись уже, – повышаю голос. – Какая она тебе баба?

– Ну, извините. Девушка, – цедит Ленка обиженно и за-
тыкается. При этом смотрит на меня так, будто я ее чуть ли не ударил. Обычно такие взгляды на меня очень действуют, но не сейчас.

– А-а, я допер. Так это та самая дэвушка, – подхватывает Гарик, кося под кавказский акцент, – из-за которой ты там с кем-то рамсанул?

– Та самая, – подтверждаю я.

– Реально, вот из-за нее ты и подрался? – спрашивает Никитос.

– Скорее, выхватил, – усмехаюсь я.

– И что? Отблагодарила как следует?

– Тебе и не снилось, – заверяю я.

– Даже так? – хохочет Ник.

Вижу, что ему не терпится выпросить все подробности, только при Ленке неудобно. А она стоит, психует, но не уходит.

Ленка ему нравится, вот он при ней и фильтрует речь. Но вообще это его излюбленная тема. И, по ходу, он думает, что мы с ним соревнуемся. Потому что подкатывает ко всем напропалую, а потом, если там что-то было, рассказывает мне. И не просто так, а как бы с вызовом. А я, под настроение, или недоумеваю, или угаваю, типа, ну, молодец.

Однако к Ленке Никитос подкатить почему-то не может.

– Слушайте, я замерзла, – заявляет Клео, оторвавшись от Влада.

Мы слегка троллим Влада, что он плохо греет, но перемещаемся с улицы в столовку универа.

Только усаживаемся за стол, как Никитос снова пристает с расспросами:

– А куда поехали? К ней? К тебе?

– Да никуда. В какую-то гостиницу пошли. Хистори, что ли... не помню.

– А-а, да, – кивает Никитос. – Хистори 1882. Рядом с клубом. Сам там как-то с одной зависал. Ну и что? Как она?

Никитос многозначительно ведет бровями, украдкой косясь на Ленку.

– Да, Тёма, как она? – подхватывает Клео. – А то ты так резко испарился с этой загадочной незнакомкой.

– А по нему не видно? Вон, до сих пор прибалдевший сидит, – подмигивает Влад.

– Только не говори, Шаламов, что тебя на старушек потянуло, – фыркает Свиридова. – Ей тридцатник точно есть,

как минимум. Видели мы её с Клео, когда спускались. Она у бара сидела. Помнишь, Клео? Тётка без туфель там была?

– Помню, что сидела какая-то босиком, но я ее особо не разглядывала.

– Ей нет тридцатника, – говорю Ленке с раздражением. – И вообще, Солнце, не всё ли тебе равно, на кого меня тянет?

– А кто она такая? – влезает Гарик.

Я жму плечами.

– Без понятия. Мы же не беседы с ней вели.

Ник с Гариком понимающе хмыкают.

– И что, даже имя не спросил? – удивляется Клео.

– Ну, допустим, спросил. Лера её зовут. Всё? Довольны? Допрос окончен?

– А даже если и за тридцатник, то что такого? – продолжает рассуждать Никитос. – Опытная, значит. И вообще возрастные в постели огонь. Всё умеют, не стесняются и мозг потом не выносят. У меня была как-то одна за...

И тут вдруг за соседним столиком раздаётся грохот. Мы все замолкаем и поворачиваемся на шум. А это какая-то девчонка упала то ли со стула, то ли вместе со стулом. Лежит на спине беспомощно, ноги кверху. Сумка и очки рядом валяются. И наши, как дебилы, начинают ржать.

Я встаю, подаю ей руку, помогаю подняться. Она опрометью убегает из столовки, а её подружка показывает нам fuck и за ней.

Смотрю, Ленке уже не до смеха. Она снова клокочет:

– Не, вы видели? И это перваки такие пошли оборзевшие. Да она охренела совсем!

– А ты бы не охренела, если б упала, и над тобой стали ржать? – спрашиваю её, ну, может, чуть грубовато.

Свиридова смотрит на меня, как на предателя. И чуть не плачет. Все сразу замолкают. Клео переводит взгляд то на неё, то на меня, а потом говорит:

– Ой, ну что, мы сейчас из-за какой-то страхолюдины переругаемся?

– А я ни с кем не ругаюсь, – отвечает Ленка с надрывом. – Было бы из-за кого. Если Шаламову хочется побыть защитником убогих страшилищ, то ради бога...

– Она реально страшная, – хихикает Клео.

– Да обычная она, – встречаю я опять. Вообще я редко лезу с кем-то спорить, да почти никогда – нафиг надо? Но тут как вожжа под хвост попала. Ну или, точнее, Свиридова допекла так, что каждое её слово воспринимаю почему-то в штыки. – Нормальная она девчонка.

– Нуууу уж, – качает головой Никитос. – Я бы столько не выпил.

– Так-то да, капец она уродина, – поддакивает Гарик.

– Да прямо уродина. Накрасить ее, причесать, приодеть и норм будет.

– Угу. Если только в фотошопе, – фыркает Клео.

Короче, спорим так, что в итоге забиваемся. Без всяких условий. Просто на результат: получится или нет. И уже зад-

ним числом я думаю: нафиг мне оно надо?

Во вторник расписание у нас опять перекроили и последней парой поставили лекцию по «Уголовно-процессуальному доказыванию».

– По ходу, лекции не будет, – изрекает Громов из параллельной группы. – Говорят, Иванов заболел конкретно.

– И что? Ждем пятнадцать минут и уходим? – спрашивает кто-то с задних рядов.

Народ галдит, спорит, ждать или не ждать. Мы сидим кучкой в самом центре аудитории, на втором ряду. Я, рядом – Ленка, затем – Клео с Владом. Гарик и Никитос – напротив нас, взгромоздившись на стол, спиной к кафедре.

И тут залетает Анька Дубовская, наша староста, и объявляет:

– Все внимание! Никто никуда не расходится! Лекцию будет вести приглашенный препод. Мне сказали в деканате.

– А этот препод в курсе, что пара началась десять минут назад? – подает недовольный голос Ник в тот самый момент, как в аудиторию кто-то входит.

Из-за них с Гариком я толком не вижу, но догадываюсь, что это наш новый препод и есть. То есть новая... преподаша...

Она уверенно проходит к кафедре, пока Ленка тычет Никитоса, чтобы тот заткнулся и сел нормально. Теперь Свиридова дергает меня, спрашивает что-то про конспекты, а я не

могу и звука из себя выдавить. Я вообще одеревенел. Только тарашусь во все глаза на Леру в немом шоке. На миг даже закрываю глаза и встряхиваю головой. Ну мало ли... Но нет. Это реально она! Лера! Как вообще? Откуда?

– Приветствую, – говорит она, если честно, не особо приветливо, так, что все сразу затихают, а Гарик с Никитосом аккуратно сползают со стола на стулья. И мне кажется, слышно на всю аудиторию, как бешено у меня молотит в груди сердце. Прямо как отбойник. Бух-бух-бух. – Меня зовут Валерия Сергеевна Самарина. Я – практикующий...

Лера обводит бесстрастным взглядом аудиторию и тут натывается на мой взгляд. Вздрагивает и ошарашенно замолкает...

11. Лера

Подхожу к кафедре и останавливаюсь, потому что слышу через приоткрытую дверь возмущенное:

– Ну, не знаю, зачем Алексей Германович позвал эту адвокатшу. Ладно, она вела какой-то там свой спецкурс. Вот его и вела бы дальше. Но читать лекции! Это же нарушение квалификационных характеристик...

– Да кто их соблюдает? Аккредитацию тем более прошли уже. И в любом случае – Гаевский, если надо, выкрутится. Так что не переживайте, Валентина Осиповна, – перебивает её насмешливый мужской голос.

– Это вам, молодым, на всё плевать, но так нельзя! Правила есть правила. Нет, я понимала бы ещё, не будь среди своих достойной замены Иванову. Но его часы могла взять и Людмила Анатольевна, и Борис Геннадьевич, и я... У нас и опыт, и наработки свои есть...

– Валентина Осиповна, ну что вы в самом деле? Ясно же. Она ведь невестка Гаевского, этим всё сказано, – фыркает еще одна доброжелательница. – Зачем ему отдавать нагрузку нам, если можно жену своего сына приткнуть.

– Нет, ну а как эта адвокатша с той же четыреста одиннадцатой справится, а?

– Ну, так давайте расслабимся и понаблюдаем это шоу.

– Злая вы, Ксения Андреевна, – усмехается всё тот же

мужчина. – А как же женская и цеховая солидарность?

– Знаете, Игорь, вот когда меня будет руководство так же двигать...

Захожу – и сразу все замолкают.

– Здравствуйте... – бубнят еле слышно и сразу отводят глаза. Начинают суетиться. Кто-то ставит чайник. Кто-то яростно перебирает бумаги. Лишь один, мужчина лет тридцати, прячет в усах усмешку. Видимо, Игорь.

– Доброе утро, – приветствую всех бодро и еле сдерживаюсь от насмешки. Нет, всё-таки не сдерживаюсь: – Я – адвокатша. Валерия Сергеевна Самарина. Помешала? Но вы продолжайте, не стесняйтесь.

Молчание становится гробовым на целых несколько секунд. Потом пожилая грузная дама с сиренево-седой короткой стрижкой сконфуженно сообщает:

– Вы нас не так поняли, Валерия... Сергеевна. Мы просто... – Она беспомощно взирает на коллег, но те потихоньку растекаются кто куда.

Кафедра пустеет.

– Мы просто расстроены, что Пал Палыч заболел... так внезапно.

– Я так и подумала, – улыбаюсь ей.

Она совсем теряется, но затем неожиданно предлагает:

– А хотите чаю? С печеньем?

– Благодарю, но нет, – отвечаю я, на нее не глядя. Присев на кожаный диван, изучаю расписание и мысленно при-

кидываю, не пересекаются ли мои пары с ближайшими запланированными делами и встречами. Одна лекция по вторникам и четыре семинара в среду и в пятницу... В случае чего-то неотложного, заверял отец Гаевского, можно будет что-то подвинуть-перенести или поставить кого-то другого, главное – предупредить заранее.

– Вы, правда, не так нас поняли, – не отстаёт дама. – Я имела в виду, что нам было бы проще заменить Иванова. Не потому, что вы как-то не соответствуете... нет... Мы слышаны о ваших блестящих успехах... Но преподавание – это же немножко другое. Вот у меня, например, большой преподавательский опыт. А раз у вас практика своя, то вам, поди, и некогда...

Я поднимаю на неё взгляд.

– Триста вторая аудитория – это левое крыло, насколько помню?

Она, сбитая с толку, пару раз растеряно моргает. Потом, кивнув, снова продолжает своё:

– Да, левое. И вот дали вам четвертый курс, первый поток. А там очень сложные есть студенты. Не все, но погоду делают именно они. Этакая золотая молодежь. Особенно в группе 9-411. К ним особый подход нужен, иначе... – она многозначительно и скорбно вздыхает. – Даже вон у Пал Палыча бывали с ними конфликты. А у вас, при всем уважении, и опыта особого нет, как я поняла. Если что не по ним, они же вас съедят. Да и просто ради забавы могут издеваться.

– Прямо ужасы какие-то мне рассказываете, – усмехаюсь я.

– Ужасы не ужасы, а всякое бывало. Про Ушакова Евгения Юрьевича вы же, наверное, знаете?

– Без понятия, кто это.

– Работал у нас раньше. Вот спросите Алексея Германовича, почему Ушаков уволился. Он ведь вел в этой же группе, 9-411. Налоговое право. Очень строгий был преподаватель, принципиальный, хоть и молодой. А эти сволочи напоили его до бессознательного состояния и нафотографировали. А потом этими снимками шантажировали. Вот ему и пришлось уволиться.

– Зачем же он с ними пил? – искренне удивляюсь. – Если они сволочи, а он принципиальный...

– Это другой вопрос, – отмахивается она. – А видели бы вы, как они в прошлом году над Оксаной Валерьевной измывались! Она заикалась – так они ее передразнивали. Всякие неуместные вопросы на семинарах задавали. Порой откровенно похабные. До слез ее несколько раз доводили. Это кажется, что они уже взрослые, а на самом деле у них ещё ни ума, ни сознательности, ни совести. Есть, конечно, и нормальные студенты, и серьезные, и умнички, но на фоне этих звезд их просто не видно.

– Благодарю за предупреждение, – я собираю бумаги в папку и поднимаюсь с дивана.

– Мне просто по-человечески вас жалко, – складывает она

полные руки на массивной груди.

– За сочувствие тоже спасибо, – улыбаюсь я. – А теперь, извините, я опаздываю на встречу со звездами.

– Ни пуха ни пера, – тихо бормочет она мне вслед.

Я и в самом деле опаздываю, а не хочется первый день начинать с опозданий.

Распахиваю дверь, и в ту же секунду из коридора на кафедру залетает тот самый усатый-бородатый Игорь с возгласом: «Черт! Забыл...». И чуть не сбивает меня с ног.

Я едва удерживаю равновесие, а вот папка из рук выскользает, и все бумажки красиво разлетаются по полу.

– Ой! Простите, ради бога! – извиняется он. – Я сейчас всё соберу!

Приседает и начинает торопливо ползать на корточках вокруг моих ног.

– Игорь, – подает голос пожилая дама, – ещё вон под столом Ксении пропустили листочек.

– Ага, – кряхтит он и ныряет под стол. Наконец поднимается и вручает мне бесформенную стопку.

– Извините еще раз, – вдруг кланяется он. Затем протягивает ладонь. – Игорь Иванович Бутусов. Но лучше просто Игорь.

– Очень приятно, – отвечаю на автомате и так же по инерции жму протянутую руку. Но он, поймав мои пальцы, подносит их к губам. Точнее, к усам. Затем пулей хватает какую-то книжку с другого стола и увязывается за мной сле-

дом.

– Я вас провожу.

– Как вам будет угодно, – пожимаю я плечами.

– Вы, наверное, слышали, как вам мыли кости наши дамы, да? – смеясь, спрашивает Игорь. – Не обращайтесь внимания. Почесать языками наши любят, но в целом коллектив у нас нормальный. В том плане, что посплетничать – это да, это святое, но гадить у нас никто не станет. А Валентина Осиповна... это с которой вы говорили, она и мухи не обидит.

Мы переходим в левое крыло, поднимаемся на третий этаж. Там он, махнув мне книжкой, убегает по коридору в одну сторону, а я – в другую.

Вот, триста вторая аудитория. В самом конце коридора. Уже на подходе слышу гвалт и чье-то недовольство:

– А этот препод в курсе, что пара началась десять минут назад?

Вообще-то пять, но сути это не меняет. Я сама ненавижу опоздания. В другой раз надо будет выезжать с запасом.

Захожу в просторную аудиторию, бегло оглядываю присутствующих, здороваюсь. И моментально понимаю, о ком говорила пожилая дама с кафедры. Кто здесь те самые «звезды». К кому нужен особый подход.

Они держатся своей кучкой, в самом центре. От них так и несет развязностью и непоколебимой верой в собственную исключительность. Да и сюда явились для чего угодно, но не учиться. Остальные студенты, что интересно, сидят вокруг

них чуть поодаль. Приготовили тетради, ждут. Их большинство, их около полусотни. Но общий настрой задает действительно эта кучка, двое из которых вообще сидят на столе ко мне спиной. Правда, едва я собираюсь напомнить этим двоим, как положено сидеть, они тут же сами сползают на стулья.

Ладно. Для начала представляюсь. Однако если все студенты смотрят с обычным интересом, то эта компания разглядывает меня цепко, оценивающе, словно с ходу пытаются прощупать слабые места, и в то же время высокомерно. Ох уж эти мажоры.

Прямо физически чувствую, как эти две холеные девицы, блондинка и брюнетка, тщательно препарируют меня взглядом. Особенно блондинка. Это меня, конечно, раззадоривает. Уже собираюсь обратиться к ней, но перевожу взгляд на её соседа и столбенею...

Это какой-то нонсенс. Быть такого просто не может. Однако это красавчик из клуба собственной персоной.

Что он здесь делает? Как оказался...

От шока я не сразу соображаю, что, вероятно, он по чудовищному совпадению просто студент этой группы. Мне становится душно, даже в горле пересыхает...

У него, похоже, потрясение не меньше моего. Смотрит на меня во все глаза и лицо такое... очень красноречивое. Да уж...

Надеюсь, студенты не слишком заинтересовались, с чего

я вдруг выпала из реальности на пару секунд...

Я всё же худо-бедно беру себя в руки. Прошу вооружиться ручками. Зачитываю тему первой лекции. Начинаю лекцию с общих вопросов и определений. И даже голос звучит вполне спокойно и обыденно. Хотя внутри зреет даже не страх, не волнение, а самая что ни на есть паника.

Диктую, каковы основные понятия доказывания и доказательств, а сама думаю совсем о другом. Проклятье! Ну как такое могло случиться? Какой стыд, господи. Если об этом узнают... это же позор невыносимый. Преподаватель, замужняя дама, со студентом... еще и с первым встречным... в каком-то клубе... еще и с «мажором»... Аж тошно.

А если дойдет до Гаевских...

Так, не надо паниковать. Он ведь явно тоже не ожидал меня увидеть. Значит, никто ничего про нас еще не знает. И, значит, надо просто его убедить об этом не распространяться.

И ни к селу ни к городу тут же на ум приходит рассказ дамы с кафедры про незадачливого препода, которого шантажировали фотками. Будет, конечно, номер, если красавчик выкинет что-нибудь подобное.

И хватит, пожалуй, называть его красавчиком...

Изо всех сил я стараюсь на него не смотреть. Вообще забыть о его присутствии на время. Только какого черта он-то так на меня пялится?

Не знаю уж, каким чудом, довожу лекцию до конца, ни

разу не сбившись. Ещё и на вопросы умудряюсь ответить. Но, ей-богу, прежде ни разу я так не напрягалась и не нервничала. Ни на одном самом сложном заседании. Ни на каких экзаменах. Никогда.

Это же надо так попасть!

В конце пары прощаюсь со всеми и одновременно ищу благовидный предлог, чтобы его задержать. Но Артем остается сам.

«Звездная кучка» не спеша выбирается и идет на выход, а он продолжает сидеть за столом, глядя на меня. Ну, хотя бы уже не в таком явном шоке.

У самых дверей блондинка оборачивается.

– Шаламов! Ты чего там застрял?

– Иди. Я догоню, – бросает он.

Блондинка уходит. А он поднимается из-за стола. Приближается к кафедре. С минуту мы просто молча друг на друга смотрим. Не знаю, как ему, а мне не по себе. И понимаю, что моя просьба «только ты не говори никому» прозвучит сейчас так... унизительно, что ли. Но что делать?

– Ничего себе встреча, да? – первым заговаривает он, пока я собираюсь с духом.

– Да уж, – соглашаюсь я.

– А почему ты ушла позавчера? – облакачивается он о кафедру, придвигаясь ближе. Как-то слишком интимно всё это звучит и выглядит.

Пора ему напомнить про субординацию. Я прижимаю

свою папку к груди как щит, отхожу от кафедры и говорю сухо:

– Так. Давай проясним кое-что. Ты – мой студент, а я...

– Понятно. Почему вы ушли, Валерия Сергеевна? Или наедине все-таки можно на ты?

– Послушай... Артём. Это была большая ошибка с моей стороны. Я не должна была такое допускать. Но я буду тебе крайне признательна, если всё, что было, останется строго между нами.

Он выглядит... не знаю, может быть, растеряно. Но уж точно не как шантажист, обдумывающий, как выгоднее воспользоваться пикантной ситуацией. Но, с другой стороны, он почему-то молчит. И это меня нервирует.

– В общем, я тебя прошу по-человечески – не болтай об этом, пожалуйста. Хорошо? Потому что у меня могут быть проблемы, если тебе так понятнее.

Господи, как это унизительно и стыдно... Но он кивает, и вид у него теперь серьезный.

– Хорошо, – говорит и идет к двери. На пороге оборачивается: – До свидания.

А я ловлю в его взгляде смятение. И почему-то весь оставшийся день в памяти всплывает этот момент и этот его взгляд. И я сама понять не могу, чем он меня зацепил, однако же...

В среду приезжаю в университет заблаговременно. Даже успеваю попить чай и перемолвиться парой фраз на кафедре. Валентина Осиповна расспрашивает меня с пристрастием, не съела ли меня та самая «золотая кучка».

– Нет, и даже не покусала, – смеюсь я.

– Это они к вам просто пока приглядывались, – не сдаётся она. – Так что не расслабляйтесь, Лерочка.

– Мне кажется, Валерия Сергеевна и сама не промах, – шутит Игорь. – так что большой вопрос кому не стоит расслабляться.

Я его ремарку никак не комментирую. К тому же уже пора идти на пару. Сегодня у меня семинар в четыреста двенадцатой группе. Хорошо, что не в четыреста одиннадцатой. Всё-таки я не свыклась ещё с мыслью, что красавчик... то есть Артем Шаламов – мой студент. Надеюсь, к пятнице, когда семинар будет в его группе, уже окончательно успокоюсь.

Поднимаюсь на третий этаж, а навстречу мне медленно спускается «золотая кучка», правда, в неполном составе. Блондинка, брюнетка и два парня. Шаламова среди них нет.

Они здороваются демонстративно вежливо, с улыбками, даже приторно. Я отвечаю на автомате, а они как будто продолжают свой разговор. Я и не вслушиваюсь, но затем, когда мы поравнялись с ними на лестнице, вдруг звучит фраза, от которой меня будто кипятком окатывает.

– Тёма её брал и где-то посеял.

– Может, в том отеле оставил? – с ехидцей спрашивает

блондинка, пристально глядя на меня. – Ну, где он там отжигал в субботу? В «Истори 1882».

Я никак не реагирую на ее насмешливый взгляд и ехидный тон, просто прохожу мимо с каменным лицом, будто ее намеки меня не касаются. Делаю вид, что не замечаю, как резко и многозначительно замолчала остальная компания, как затем они между собой переглядываются и прыскают. Но внутри всё обмирает.

Он всё-таки рассказал...

12. Артём

– Тём, ты уснул, что ли? – спрашивает меня Клео и щёлкает перед носом своим адским черно-красным маникюром.

Я вздрагиваю и возвращаюсь в реальность. Мы втроем, с Владом и Клео, сидим в столовке, кругом галдеж, большая перемена. Но мыслями я всё ещё в триста второй аудитории. И всё ещё не могу осознать полностью, что Лера, та самая Лера, с которой мы так круто оторвались в субботу, и есть наша преподша. Вся такая серьёзная, строгая, деловая, неприступная.

И при этом все равно офигенная. Да просто шикарная женщина – даже у меня невольно в душе шевелится такое... ну типа гордости. Такая крутая, такая роскошная – и моя. Ну, была моей. Хотя... где была, там и снова будет. И чем больше я об этом думаю, тем сильнее этого хочу. В смысле, её хочу. Аж настроение приподнято-боевое.

Чувствую, её «Уголовно-процессуальное доказывание» станет в этом семестре моим любимым предметом. Ловлю себя на мысли, что уже жду-не дождусь, когда будет следующая пара у неё. А будет она в пятницу, я уже посмотрел расписание.

Сегодня у неё тоже есть две пары, следующая и четвертая, но не у нас, в двенадцатой и тринадцатой. Может, схожу по-

том посмотрю. Хотя нет. Это будет тупо. Уж как-нибудь дождусь пятницу.

Как там она сказала? Это ошибка? Да нихрена это не ошибка! И очень скоро она это поймет. Да она и сама наверняка так сказала лишь потому, что неожиданно оказалась нашим преподавом. Всё-таки она не импульсивная безголовая малолетка, чтобы по дурусти переспать с женщиной и сокрушаться: «Что я наделала, я не хотела...». Всё она хотела!

Подперев щеку, я мечтательно улыбаюсь, вспоминая, как она стонала, дрожала, выгибалась, какое у нее было лицо, какой взгляд. Притом она не старалась доставить мне какое-то удовольствие, не подстраивалась, не притворялась, но отдавалась самозабвенно, целиком, как в омут с головой. И тотчас по телу приятными разрядами простреливает легкое возбуждение.

– Тём, ау! Реально спишь?

– Что? – смотрю я на Клео непонимающе.

– Влад тебя спрашивает, где его карта?

– Какая карта? – не догоняю я сразу.

– Ну как – какая? Клубная. Из «Инкогнито». Ты брал ее в субботу, помнишь? И не вернул.

– Я не помню, – честно говорю я.

– Ну как так можно? – сердится Клео.

– Да ладно, – отмахивается Влад. – Новую заведу.

К нам подходят Гарик, Никита и Ленка. А стульев всего два. И у ближайших столиков все заняты.

– Капец, оголодали все внезапно, что ли? – фыркает, озираясь, Ленка.

Ник и Гарик почти в унисон:

– Щас найду стул!

– Да не надо.

И Свиридова садится на колени к Гарику, сегодня она демонстративно ему благоволит.

– Не тяжело? – спрашивает с улыбкой, ерзая и устраиваясь поудобнее. А у Гарика такая физия сразу делается, будто у него уже оргазм.

Никитос, наоборот, скис, хотя старательно делает вид, что ему пофиг. Рыщет по столовке глазами, цепляясь взглядом к каждой девчонке, которая попадает в поле его зрения.

– Тёмыч, знаешь вон ту? – кивает мне на кого-то. – Ничего такая, да? И подружка тоже норм. Может, зазнакомимся?

– Знакомься. Я тебе зачем?

– Ну их двое.

– И хорошо. Будет тебе из кого выбрать.

– Тёмыч, подкатишь ещё, – типа с упреком говорит Ник, хотя оба понимаем, что он не всерьез.

И тут Ленка, глядя на меня с прищуром, заявляет:

– А это ведь она. Я её узнала. Да, Шаламов?

– Кто она? – спрашивают наши сразу.

А я резко напрягаюсь.

– Преподша наша новая. Самарина Валерия Сергеевна, – произносит она, не отрывая от меня въедливого взгляда.

Ждет мою реакцию. А у меня чуть ли пол под ногами не горит, хотя внешне из всех сил показываю невозмутимость.

– Ну, Самарина, – не понимают наши. – И что? Кто она?

– Да вы реально ее не узнали, что ли? Ну ты-то, Шаламов, узнал?

Мы со Свиридовой открыто не ссорились, просто она меня последние дни выбешивает. Поэтому я игнорирую её с понедельника. Если она что-то говорит – я тупо молчу, будто вообще её не слышу. Чтобы самому не раздражаться и обстановку не накалять. И тут тоже смотрю на неё с равнодушной миной как баран на новые ворота, жую Орбит, не говорю ни слова. Типа её догадки меня не трогают. Хотя ой как трогают. В голове сразу звучит тревожным колоколом Лерино: «Только никому не говори о том, что было...».

– Кого узнать-то мы должны? – спрашивает Влад.

– Да это же она! Та баба из «Инкогнито». Ну, с которой Шаламов целовался и потом с ней же и свалил. Капец у вас зрительная память. Нулевая!

– Что? Серьезно?! – хором удивляются наши.

– Эта она босиком в баре была? – уточняет Клео.

– Ну да! – восклицает Ленка. На меня уже она не смотрит. Обращается к Никитосу и Владу: – Ну вы чего? Мы же вместе смотрели запись с камер!

– Ну Тёмыча я помню, а её особо не разглядывал.

– Так она еще у бара сидела. Босиком! Вы же спускались!

Ну вот кто тянет эту дуру за язык. Так и хочется заткнуть

ей рот, но тогда это будет совсем палевно.

– Ну, когда я спускался, её там не было. Уж я бы такую шикарную тёлочку не пропустил, – заверяет, хохотнув, Ник.

– А ты? – типа с ревностью спрашивает Клео у Влада. Но тот отвечает правильно:

– Да ты что? Даже если она там и была... я кроме тебя вообще никого никогда не замечаю. Ну вот только Ленку, когда она орет.

– Дурак! – фыркает Ленка, стреляя во Влада злым взглядом. Зато Клео, довольная, его целует.

– Оу, Тёмыч! Так, значит, это её... вот эту нашу преподшу ты отжарил? – спрашивает Никитос с горящими глазами. – Хренасе, ты даешь! Респект!

– Что, бредишь? – отвечаю я.

– В смысле брежу? Это не она, что ли? Лена гонит? – хмурится озадаченно Ник.

– Сам ты гонишь! – огрызается Ленка. – Это точно она!

– Да она это, она, – подтверждаю я. – Только с чего ты взял, что я кого-то жарил?

– Ты же сам сказал, – у Ника, судя по физиономии, когнитивный ступор.

– Да ничего подобного я не говорил. Это чисто твои фантазии.

– Чё, серьёзно, ничего у вас не было? – Ник разочарован, как будто это его каким-то боком касается. И выдает мне: – Вот ты п***бол, Тёма.

Я аж чуть со стула не слетел.

– Хренасе заявочки! – с усмешкой возмущаюсь я. – Ты там себе что-то нафантазировал, а я – п*** бол? Нормально!

– Да ты точно говорил, что вы в отель пошли! В этот... Хистори. Возле клуба который.

– Ну, пошли. И что? Я её до отеля просто проводил. На всякий случай. Чтобы тот бычара, который к ней лез, не пристал опять по дороге.

– И всё?

– И всё. Проводил и поехал домой. А она – в отель пошла.

– А зачем ей в отель, если она местная? – спрашивает Ленка недоверчиво. Я игнорю.

– Да! Зачем? – подхватывает Ник.

– А я-то откуда знаю? Может, с мужем поругалась. Я особо с ней не разговаривал. Я даже, кроме имени, ничего у нее не спросил. И сам офигел, когда она вчера нарисовалась. Да, блин, Ник, ты её видел? Думаешь, если б я такую прикатал, стал бы это скрывать?

– Ну так-то да... – с улыбкой соглашается Никитос. – Я б тоже не стал. Такой трофей – всем трофеям трофей. Но вы же целовались?

– Да кого там целовались? Детский сад. Я разок поцеловал её ещё в клубе, ну так, чисто по приколу. На удачу. Думал, может...

– Может, чпок перепадет, да? – понимающе подхватывает Ник.

– Ну, типа того. Но она меня тормознула. Мол, извини, спасибо, но ты в пролете.

– Оу, ну, неужели кто-то нашего Тёмочку наконец отшил? – смеется Клео. – Она мне уже нравится!

– Жестокая ты, Клео, – изрекает Гарик из-под Ленки.

– А это ему за клубную карту Влада! Потерял, блин, где-то... Вип-места и всякие ништячки нам теперь не светят...

– Да восстанавливаю я, – подает голос Влад.

Далась же ей эта дурацкая карта. Но, слава богу, с темы Леры благополучно съезжаем. И вижу, наши верят. Ну, может, только Свиридова ещё сомневается. А, может, просто дуется на меня и злится. Потом с ней поговорю, когда в духе буду.

– О, – снова оживляется Ник, опять кого-то присмотрев. – Тём, а вон твоё чучело.

– Какое чучело? – не догоняю я.

– Ну та самая, насчет которой мы забились.

Я оглядываю столовку и вижу ту первокурсницу в очках, которая на днях со стула упала. Вообще про неё забыл. Даже не сразу сообразил – в каком плане забились. И подруга с ней, которая тогда Ленку послала.

– Ну ты, гляжу, Тёмыч, постарался, – хохочет Гарик и стебется. – Перемены налицо. Какую красотку ты из неё сделал. Стилист прям! Не узнать девчонку. Глаз не оторвать.

Все наши ржут как кони. А Гарик продолжает:

– Кстати, куда ты вчера пропал после пар? Такое шоу про-

пустил. Лена устроила твоей красоте и её борзой подружке грязевую ванну.

– В смысле?

– Да эти две дуры на переходе стояли, – поясняет Клео.
– А Ленка мимо них промчалась по луже. Окатила их с ног до головы.

– И это типа смешно?

– Типа да.

– Да так-то нет. Тупо это. Seriously, чего вы как школото?

– Ой, капец ты, Шаламов, душный стал, – фыркает Ленка.

Короче, чувствую, что как ни стараюсь её игнорить, она все равно действует на нервы. Я встаю и иду к этим двум первокурсницам.

– Ты куда, Тём?

Даже не оглядываюсь.

Сажусь с девчонками за стол.

– Привет.

Подруга сразу куда-то уходит. Смотрит на меня свирепым зверем, спасибо хоть молча, не посылает.

А эта, наоборот, смущается, но вижу вовсе не против, что я к ней подсел.

– Тебя как зовут?

– Вера.

– А я – Артем.

Честно говоря, ума не приложу, что мне с ней делать. Нафига я вписался в этот тупой спор? Хотя понятно – назло

нашим. Они и сейчас нас разглядывают, переговариваются, ухмыляются.

И тут же мне прилетает от Никитоса сообщение: *«Оставь это гиблое дело. И возвращайся к нам. Мы тебе даже слив не засчитаем. Вернись – мы всё простим».*

Оглядываю её. Ну, далеко не ах, конечно, но и не сказать, что прямо всё безнадежно. Обычная девчонка, просто неужоженная. Ботанша явно. Но я вот тоже один раз Ленку без косметики случайно застал – меня мама к ней послала какую-то фигню передать. Так я вообще решил, что Свиридова тяжело заболела.

На голове вот только у этой Веры черт-те что. Как будто собственные волосы ее не волнуют абсолютно. Она вообще про них забыла. Хотя мне тоже не мешало бы постричься, думаю вдруг. Тем более пятница... семинар у Леры...

– На юрфаке учишься?

– Нет, – краснеет она. – На экономическом. А вот моя подруга, что ушла, на юрфаке.

– Ты отличница, наверное?

– Я? Ну да. Ну то есть сессия ещё покажет. Но школу я закончила с золотой медалью, – с гордостью заявляет она.

– Круто, – бормочу я. А сам думаю, и правда, слиться, что ли? Тоска какая.

Потом она снимает очки, протирает их платочком. И глаза у нее вдруг становятся большие такие, как у олененка. Да и вообще без очков ей гораздо лучше. О чем я ей тут же

сообщаю. А она:

– Ну да. Но я без них как слепая. Плохо очень вижу.

– А линзы? Я, конечно, мало в этом смысле...

– Мама против линз, – лепечет.

Блин, она милая такая. Как моя Ксюша.

– Маму слушаешься? – улыбаюсь.

А она смущается ещё больше. Но очки свои снова надевать не торопится.

– Может, куда-нибудь сходим? – предлагаю Вере, не особо рассчитывая, что она согласится, раз так слушается маму. Но она соглашается без колебаний.

– Давай. А куда?

Я пожимаю плечами. Мне в общем-то все равно.

– Только сначала в парикмахерскую зарулим? А то я, видишь, малость оброс.

– У тебя очень красивая прическа и волосы! – заявляет вдруг она, а потом так забавно спохватывается, как будто ляпнула что-то не то, и моментально становится пунцовой.

– Будет еще красивее, – прикалываюсь я. – Тут есть студия классная недалеко. Там, кстати, и женский зал имеется.

С Верой оказывается отнюдь не так скучно, как думал вначале. Хотя она, конечно, жуткая заучка. И еще в парикмахерской приходится сидеть лишние два часа, потому что меня постригли гораздо быстрее, чем её. Однако оно того стоило. Я её вообще едва узнаю. Ну и она сама себе тоже явно нравится.

На обратном пути заходим с ней в какое-то кафе. Но оттуда я уже быстро сливаюсь. Домой хочу.

В четверг вечером вдруг начинаю неожиданные сборы. Не знаю, с чего вдруг мне ударяет в голову, что надо разбавить джинсы чем-нибудь посолиднее. Прихоть какая-то, но вот загорелось.

И тут засада – последний раз я надевал костюм на выпускной, три года назад. И, как оказалось, с тех пор у меня плечи стали сильно шире, а руки – длиннее. Пиджаки от всех трёх костюмов мне безобразно малы. Спасибо хоть брюки впору. Ладно, думаю, и без пиджака сойдет. Но с рубашками та же песня.

Отец палит мою возню: как я всю гардеробную перерыл, как потом брюки отпаривал и наглаживал.

– Что это ты вдруг? Какое-то у вас мероприятие завтра? – интересуется.

– Да так, – отмахиваюсь я, примеряя очередную малую рубашку.

– Артем Долгорукий, – угарает отец. Потом говорит: – Ну, иди, у меня что-нибудь возьми.

Мы с отцом примерно одной комплекции. И я воодушевленно перемещаюсь в родительскую гардеробную. Отец – тот еще пижон, в смысле, у него точно есть что присмотреть. Шмотья у него всякого навалом. И что хорошо – всё у него

висит идеально, гладить не надо. Хотя это, скорее, мамина заслуга. Выбираю тёмно-синюю рубашку в еле заметную узкую полоску. Заодно заимствую у него ремень Луи Витон. Примеряю – отлично. И мама тут как тут:

– Ух ты, какой жених.

– У этого жениха, заметь, губа не дура, – смеется отец. – Из всех рубашек взял Бриони. И ремень ещё подрезал.

– Зато какой сразу вид. Взрослый. Элегантный. Интеллигент прямо.

– Да какой там интеллигент? Пижон, – усмехается отец.

– Яблоко от яблони, – напоминаю я и, пока они меня типа в шутку обсуждают, сваливаю скорее к себе. А то опять начнется: а кто она? А мы её знаем?

Но потом мама заходит ко мне и неожиданно предлагает:

– Мне тут два билета перепало в театр на воскресенье. «Страсти по Матфею». Мы с Эдиком не сможем сходить. Может, тебе есть кого пригласить? Не хочешь взять?

– Давай, – без особого энтузиазма соглашаюсь я.

Наверное, мама ожидала каких-то восторгов. Потому что говорит затем:

– Это одно из самых великих творений Баха. Я бы сама очень хотела сходить. И тебе, надеюсь, это не чуждо... И, между прочим, у нас эта оратория исполняется впервые и всего один день. Просто уникальный шанс. И билеты, кстати, разобрали моментально и задолго, уже нигде их не найти. Мне вот на работе дали.

Мама у меня работает в областном министерстве культуры. И говорит, что любит свою работу уже за то, что там есть возможность неограниченно посещать любые культурные мероприятия. Правда, отец эту её страсть не особо разделяет, но почти всегда ходит за компанию.

Я тоже не большой театрал, хотя иногда, под настроение могу... ну и смотря на что, конечно. Просто Бах мне лично не очень.

И тут меня озаряет: не позвать ли мне Леру? Нутром чувствую – ей вот как раз такое должно прийтись по вкусу. Да, она определенно заценит.

– Круто. Спасибо, мам, – благодарю уже куда душевнее. И в мыслях рисую радужные планы на воскресенье. В пятницу после семинара подойду к ней, приглашу в театр, после концерта поужинаем в каком-нибудь «Сенаторе», «Марциано», ну или что там есть приличное поблизости. Ну а там как пойдёт...

13. Артём

Утром в пятницу подхожу к универу, и наши встречают меня бодрым улюлюканьем. И все кому не лень на меня оглядываются. Но я реально как белая ворона. Это в гимназии мы все поголовно и в обязательном порядке носили костюмчики, а в универе в обычные дни народ ходит кто в чём горазд. Не считая, декана и преподавов.

– Оу, Тёмыч, фигасе ты вырядился! – восклицает Гарик.
– Рубашка, жилетка... ну, охренеть красавчик.

– Щеголь, – ржет Никитос.

– Круто выглядишь. Seriously. Вот со школы не люблю этих додиков в костюмах, но тебе реально идет, – одобряет Клео.
– Ещё и с этой стрижкой.

– А по какому поводу такой прикид? – спрашивает Влад.

– Решил у тебя подружку отбить. Видишь, действует. Клео уже заценила, – несу я первое, что приходит на ум, и весело ей подмигиваю.

– Но-но! На чужой каравай... – в шутку набычивается Влад, показывает мне кулак и притягивает её к себе.

– Не судьба, – говорю я Клео.

Наши угарают, и только Ленка молча сверлит меня злющим взглядом. Но я типа не замечаю.

– Кстати, сегодня же будет семинар у твоей подружки, – встревает Гарик. – Так что, может, она заценит твой лук.

– Ха! Точно! – подхватывает Никитос. – Да Тёмыч, поди, к её семинару и вырядился. Что, Тём, решил дожать Самарину? Надо было в субботу не тормозить, а брать быка за рога. В смысле, тёлочку за...

И Ник делает вид, как кого-то шпилит сзади. А у меня вдруг портится настроение. Прямо резко падает в минус. Хотя что я, Ника не знаю? Или что-то новое он изобразил? Нет. Всё это в его репертуаре.

– Дебил, – вздыхаю я и иду в универ.

Ник меня окликает, потом говорит нашим:

– Ну и чё с ним на этот раз?

Семинар у Самариной у нас третьей парой. Но я ещё вчера выпросил в параллельной группе, как у них прошло, не сильно ли их Лера гоняла.

«Что ты! Она вообще огонь! Так интересно было. Вопросы задавала, но такие, с подковыркой, на сообразительность... Ну и случаи из судебной практики рассказывала...»

В общем, хвалили её, а приятно было мне, как будто я там тоже при делах.

Ну и конечно, на пару к ней иду в предвкушении.

На этот раз Лера не опаздывает, приходит даже раньше нас. Но пока перемена, стоит у окна и с кем-то говорит по телефону. На нас вообще ноль внимания.

Я как бы слушаю трёп наших, даже поддакиваю изредка в

тему, но потихоньку паляю за ней.

Ну и краем уха прислушиваюсь. Кого она там отчитывает по телефону, я не знаю, но получается у неё виртуозно. Мне даже жалко того несчастного. Я бы конкретно приуныл, если бы меня так приложили.

– ...значит, так, Денис, документы на обжалование должны быть в Свердловском сегодня до двух. Отговорки меня не интересуют. Не успеешь – распрощаемся.

Лера сбрасывает звонок и убирает телефон.

Не хотелось бы оказаться на месте Дениса. Отстегала его Лера жёстко. И все равно она офигенная...

Даже такая она меня будоражит неимоверно, аж сердце колотится. А от мысли, что я-то видел её совсем другой, трогал везде, где хотел, целовал без одежды... от этого просто крышу сносит.

И меня опять уводит... Спыхватываюсь я, лишь когда понимаю, что стало как-то тихо. Оказывается, уже идёт пара, и Лера нас наконец «замечает».

Здоровается она примерно тем же тоном, каким разбиралась с Денисом. Затем начинает «знакомство».

– Я называю по списку фамилии. Вы обозначаете свое присутствие. Ясно? Ашихмин... Виноградова...

Лера стреляет коротким, но внимательным взглядом в каждого, кого называет. Как будто запоминает.

Моя фамилия последняя. И я жду, как она ее произнесет, как она на меня посмотрит, изменится ли хоть чуть-чуть ее

выражение.

– Шаламов, – наконец добирается она до конца списка.

– Я, – подаю голос, не сводя с неё глаз. Но она лишь вскользь бросает на меня небрежный взгляд и всё. Хотя ладно... меня-то ей запоминать не надо. Она и так меня помнит.

– Начинаем. На лекции мы разбирали основные понятия доказывания в уголовном делопроизводстве. А именно: сущность и цель доказывания... Дальше?

– Средства доказывания, – выкрикивает с места наша староста Дубовская.

– Так, – соглашается Лера. – Ещё?

Я отчаянно стараюсь вспомнить хоть что-то из той лекции. Ну, блин, не совсем же я идиот... Однако помню лишь собственный шок, в котором просидел как пень почти всю пару, таращась на Леру.

– Предмет и пределы доказывания, – опять Анька Дубовская.

Выскачка.

– Верно. Но дадим и другим возможность блеснуть.

Лера бомбит нас вопросами в таком бешеном темпе, что мы дух перевести не успеваем. Сидим все на взводе, как и на экзаменах-то не бывало. И вроде ничего такого Лера не делает, голос не повышает, двойки не ставит тем, кто не смог толком ответить, но вижу, даже у Никитоса и Гарика в кои-то веки пропал запал куражиться. Ну да, двойки она не ставит, но таким взглядом припечатывает, что не дай бог.

Ленка молча придвигает ко мне свою тетрадь с конспектом лекции, но я успеваю прочесть от силы половину, как Лера вдруг обращается ко мне.

– Шаламов.

Поднимаю на неё глаза и напарываюсь на такой убийственный взгляд, что не по себе становится. Так смотрят на заклётого врага, которого держат на мушке и вот-вот прикончат. Ну или типа того.

Я обескураженно хмурюсь, но в следующую секунду Лера уже смотрит по-другому. Хотя тоже ни черта не по-доброму и даже не по-нормальному. Скорее так: «ну, давай, щенок, покажи, что ты из себя представляешь». Ну, может, с щенком я слегка загнул... а, может, и нет.

– Расскажи нам о субъектах доказывания.

Я до этого еще не дочитал. Но изо всех сил напрягаю мозг, пытаюсь вспомнить что-нибудь по теме из прошлых курсов, ну или логически домыслить...

Лера тем временем подходит ближе, становится в трех шагах напротив меня, скрестив руки на груди.

– Простейший вопрос, – цедит она язвительно, – занимает у вас, господин Шаламов, так много времени и так много усилий. А ведь это основа основ. То, что вы должны знать со второго курса...

– Субъекты доказывания – это те, кто осуществляет доказывание, – наобум и почти в отчаянии отвечаю я.

– И кто же это? – выгибает она насмешливо бровь.

– Прокурор, следователь, дознаватель...

– И всё? А подозреваемый, обвиняемый, потерпевший? А защитник? Им ничего доказывать не нужно? Они для массовки в суде участвуют? Просто безмолвно посидеть послушать? Прямо как вы.

– Ну нет... тоже...

– Тоже что?

– Они тоже субъекты доказывания, – смотрю на неё и не понимаю. Откуда столько желчи? К чему вдруг эти нападки?

– И чем эти субъекты различаются? Или ничем?

Ленка под боком шепчет:

– У первых доказывание – обязанность, а у вторых – право...

Я повторяю за Свиридовой.

Смерив меня таким взглядом, будто я распоследнее ничтожество, Лера язвит:

– В суде вам тоже подружка под боком будет подсказывать, что и когда говорить?

Потом продолжает холодно:

– Юрист обязан не только знать азы законодательства, но и легко ориентироваться в массиве нормативных актов...

Она чеканит каждый слог, перечисляя, что мы должны знать и уметь, и при этом испепеляя меня презрительным взглядом.

А у меня все её слова слились в кашу, а в ушах стучит только собственный пульс, бешеный как пулеметная оче-

редь.

– А что вижу я в вашей группе? На элементарные вопросы – жалкий лепет... за исключением двух-трех человек...

Она замолкает, и в аудитории повисает гробовое молчание.

– Ну а вы, господин Шаламов, вообще вне конкуренции. Вы показали себя настолько беспомощным... просто полным нулем, что я понять не могу, зачем вы здесь? Себя показать, какой вы у нас нарядный и красивый?

Лера продолжает на меня смотреть, будто ждет какого-то ответа. Я тоже на нее таращусь. Уже не так ошарашенно, как вначале, но все равно, чувствую, что у меня весьма красноречивая физиономия. Ещё и пылает до ушей.

– Всё? – спрашиваю её глухо. – Вы всё сказали? Я тогда, наверное, пойду?

Она молчит. Я поднимаюсь и на ватных ногах выхожу из аудитории.

14. Артём

Ленка догоняет меня уже на выходе из универа.

– Тёма, стой!

Хватает за локоть, останавливает почти силой.

– Тёма, до погоди ты.

Разворачивает к себе, заглядывает в лицо.

– Как ты?

А я ответить ничего не могу. Челюсти разжать не могу, будто свело. Хочу быстрее свалить отсюда куда угодно. Никого видеть не хочу.

Вырываю у неё руку, но она снова цепляется.

– Давай я тебя домой отвезу?

Сначала хотел рявкнуть, типа, отвали, сам доберусь. Но потом думаю: Ленка-то здесь при чем, чтобы на ней срываться...

Киваю, мол, спасибо, и молча иду к её тачке. Ленка, к счастью, с разговорами не лезет. Хотя, чувствую, поглядывает с жалостью на мою окаменевшую мрачную мину. Уже перед самым домом спрашивает:

– Тём, да не расстраивайся ты так из-за этой Самариной. Подумаешь, не ответил. Раздула тоже трагедию. Она просто злобная сучка...

– Помолчи, а? – прошу её заткнуться. И Ленка в кои-то веки внимает моей просьбе.

Останавливается у наших ворот.

– Может, вечером сходим куда-нибудь? Посидим? Погуляем? Ты развеешься...

– Нагулялся уже, – буркнув, выхожу, не прощаясь.

Ещё с улицы слышу, как Ксюшка наигрывает гаммы на пианино. Прекрасно!

Раньше мама меня терзала уроками музыки, мечтала взрастить своего Мацуева, даже утверждала, что у меня отличный слух и всё такое. Но я это дело ненавидел и всеми правдами и неправдами увиливал, пока она на меня не махнула рукой. Теперь вот Ксюшку учит. Правда, её заставлять не надо, она сама с энтузиазмом долбит по клавишам.

Обычно я терплю без напряжения их уроки, но сейчас это бам-бам-бам стучит по мозгам, как долото. Блин, хоть из дома беги...

Даже не заглядываю в гостиную, где они там музицируют, сразу поднимаюсь к себе. Цепляю наушники, врубаю погромче музон и заваливаюсь поверх постели. И даже сквозь гитарные запилы и ударники слышу едкий голос Леры: полный ноль... беспомощный...

Какого хрена она так? Ну да, не готов был, мой косяк. Но зачем так-то? А как она смотрела! Как на полное говно... как на кучу мусора... как на всё самое стремное и уродское...

Вижу перед собой её презрительный взгляд, и меня снова начинает душить. А между ребрами печет невыносимо.

За что она так? Что я ей сделал, чтоб уж так-то?

Будь это кто другой – ой да я послал бы и забил. Ну, может, было бы малость неприятно, не знаю. А она... она меня просто выбила. И, с одной стороны, я как бы понимаю, что это чушь, а с другой – такое ощущение, что она специально на мне вызверилась.

Вообще на её семинары и лекции ходить не буду. Потом сдам это дурацкое доказывание кому-нибудь другому с кафедры.

Блин, ну почему так тошно-то?

До самого ужина я сидел у себя, грузился, все входящие игнорил или сбрасывал. А вечером мама опять подкатывает со своим Бахом: с кем пойдешь? Расскажешь потом? Завидую вам!

А я про эти билеты и думать забыл. На черта они мне теперь нужны? Но, само собой, маме этого не скажешь. Бубню ей в ответ что-то малопонятное, типа, да, расскажу...

В субботу наши продолжают сыпать соль: вот Самарина стерва! Злобная самоуверенная сучка!

Я понимаю, что они меня типа поддерживают и всё такое, но лучше бы просто заткнулись, будто ничего и не было.

– Тёмыч, а давайте её накажем? – предлагает Гарик. – Отомстим! Опозорим и унизим!

– Гонишь, что ли? – смотрю я на него, как на идиота.

– Ну а что? Она же реально берега попутала. Ты там за неё впрягался в клубе, а она наехала на тебя, как на какого-то лошпета...

– Успокойся ты, – говорю ему.

– Гарик прав. Надо её тоже опустить, – встревает Никитос.

– Вообще можно просто ляпнуть девкам, типа ты её чпокнул и слился, вот она обиделась и мстит. И назавтра...

– Да ты тупой, что ли? – вскипаю я. – Я же сказал, угомонитесь, а?

– В смысле – угомонись? – не догоняет Ник. – Тёмыч, она тебя зачморила при всех, а ты это просто проглотишь?

– Да пошла она! – злюсь я. – Мне вообще пофиг. Я бы ещё с преподавами не воевал.

Странно, что Ленка на этот раз помалкивает. А вместе с ней и Клео.

– Нет, это, конечно, твоё дело, – не отстаёт Ник. – Только...

– Вот именно, – обрываю его я. – Это моё дело.

И сваливаю, пока не пошло всё по десятому кругу. А возле гардеробной в холле встречаю Веру. Здравуюсь с ней на автомате, но она пристраивается рядом, пока сдаю куртку, и начинает о чем-то рассказывать. Я бездумно киваю.

Наши тоже гуськом заходят в холл, но, увидев меня вместе с Верой, дефилируют мимо. И слава богу. Уж лучше слушать её щебет, чем опять про Самарину.

– ... в музыкальном театре... – выхватываю я случайную фразу.

– Хочешь пойти в театр? – спрашиваю её.

Она спотыкается, хлопает глазами, потом, розовея, гово-

рит:

– Ну, я не про это, но... да. Конечно, хочу! Обожаю театр!

И я уже собираюсь сбагрить ей оба билета. Пусть сходит со своей подружкой или ещё кем. Но в последний момент почему-то предлагаю:

– Ну давай сходим завтра.

– Но сейчас же «Звезды на Байкале». Билетов не достать...

– У меня есть.

Вера смотрит на меня как на Деда Мороза и чуть ли на месте не приплясывает.

С ума они все с этим театром посходили.

Договариваемся с Верой встретиться у центрального входа за сорок минут до начала. Но я безбожно опаздываю. Подлетаю, а вокруг толпа просто несметная. И на площади перед театром, и у входа, и больше всего – в фойе. Там вообще не протолкнуться. Здесь не только кого-то найти трудно, здесь как бы самому не потеряться.

Набираю Веру – она, бедная, чуть не в панике. Кое-как стыкуемся с ней, в темпе сдаем вещи в гардероб и забегаем в зал буквально с последним звонком. И... едва не сбиваем с ног Леру и ещё какую-то тётку. Я не успеваю ничего сообщить и поздороваться тоже не успеваю (хотя не факт, что стал бы) – Вера тут же хватается меня за руку и проворно тянет

куда-то вверх. Она махом сориентировалась, где наши места. А я и так тормозил, а теперь вообще туплю. Оглядываюсь – Леры в проходе уже не видно.

Весь первый акт я высматриваю зачем-то Леру. Хотя умом понимаю, что это практически нереально, когда такой аншлаг, ну и темно к тому же в зале. А с наших мест и артистов на сцене не особо-то разглядишь. Только спину дирижера. И всё равно я шарю взглядом по рядам впереди, по чужим затылкам и макушкам.

Нет, ну это так странно, что мы столкнулись здесь! Сам не знаю, почему, но это совпадение меня поразило. Не прямо уж шок, но это меня разволновало. Типа знак. Хотя чушь, конечно. Я в такое не верю. Что за тётка с ней? Хотя без разницы.

В антракте мы гуляем с Верой по театру, рассматриваем картины на стенах, фото всякие, интерьер. Но я и вокруг не забываю палить. Однако Леру больше не встречаем.

На втором акте я окончательно успокаиваюсь. Честно говоря, едва не клюю носом. Кругом все, и Вера тоже, сидят одухотворенные такие, а мне скучно. Ощущаю себя каким-то плебсом, но до невозможности хочу домой. Под конец уже изнемогаю. И когда всё это заканчивается, я так рад, что даже аплодирую со всеми вместе, несмотря на то что голова у меня буквально раскалывается. Кстати, и времени уже одиннадцатый час.

Но главный квест нас ждет впереди, когда толпа из зала,

со всех трёх выходов устремляется потоком к гардеробу. Мы с Верой ещё не так далеко от прохода сидели, так что успеваем одними из первых, но почти сразу нас крепко прижимает к стойке гардероба. И продолжает напирать. Я беру у Веры номерок.

– Подожди в стороне, – говорю ей. – Я возьму твое. А то еще раздавят.

Раздавить-то, конечно, не раздавят, но ноги оттопчут и потолкают локтями изрядно. Хотя через пару минут я уже и насчет «не раздавят» не так уверен. За стойкой, в которую меня практически плюснуло, сбившись с ног, снуют три пожилые женщины в бордовых форменных жилетках. У кого-то они принимают не только номерки, но и бинокли, оттого дело движется ещё медленнее. В конце концов беру свою куртку и Верин плащ и протискиваюсь назад сквозь плотную толпу. Практически вырываюсь, причем с трудом.

– О, спасибо, Артем! – принимая плащ, благодарит Вера. – Кошмар какой! Столько народа! Чего все так рвутся, да?

Я оглядываюсь на очередь, которая огромной живой толпой облепила длинную стойку гардероба и тут же забываю, что хочу сказать. Потому что буквально в трех шагах так же выдирается из этой толпы Лера со своим пальто в руке и белой сумочкой через плечо. У нее аж лицо покраснело от натуги, а из прически выбились пряди.

Ловлю себя на мысли, что вот такая, малость расхристанная, с блестящими глазами, она выглядит просто кры-

шесносно. И тут же одергиваю себя. Да пофиг же, как там она выглядит. Мне-то что.

Уже отвожу взгляд и в последний момент вижу, как какой-то левый мужик рвется, наоборот, к гардеробу, причем напролом. И, зацепив собой Лерину сумку, сдергивает её и утягивает вглубь толпы. Лера и охнуть не успевает. Потом, конечно, и охает, и кричит: «Эй! Моя сумка! Стойте! Да что такое-то?!».

Пытается туда дотянуться, но сумки уже не видно. Лера в злом отчаянии мечется, пытается снова втиснуться в очередь, но не так-то это просто.

Я отдаю куртку Вере.

– Ты куда? – не понимает она.

Но я уже вклиниваюсь в толпу там, где буром пропер мужик, утянувший сумку. Меня тоже нещадно отталкивают, локтями, коленями, всем подряд. Кто-то возбуждает, что лезу вперед. Кто-то тычет кулаком в спину и в бок. Пофиг. Я верчусь на месте, то так, то этак, шарю среди тел. Где, блин, она? Вдруг кто-то уже подрезал себе?

Потом на миг вижу белый уголок этой злосчастной сумочки. И тут же она падает вниз, под ноги. Черт! Изгибаясь в какой-то невероятной позе, полубоком, всё-таки дотягиваюсь до пола, до сумочки этой, хватаю... И тут какой-то урод наступает мне на руку. Ещё и рубашка перекрутилась так, что воротник впивается в шею как удавка. Матерюсь под нос, но все-таки выдергиваю сумку и сам вынырываю из этой ку-

чи-малы, порядком потрепанный.

Молча, не глядя, сую Лере в руки её сумку и сразу подхожу к Вере, злой как черт. Она что-то щебечет, охает, поправляет на мне рубашку. Я раздраженно отмахиваюсь. Накидываю быстро куртку, и мы уходим прочь от этого бедлама.

15. Лера

Понедельник почти всегда суматошный, и обычно, когда прихожу домой вечером, сил уже ни на что нет. Ванная или душ, легкий ужин и что-нибудь отупляюще-расслабляющее вроде какого-нибудь сериальчика на сон грядущий.

Но тут я даже не успела переодеться в домашнее, как в дверь начинает кто-то настырно звонить. Пока иду в прихожую – одна мысль: лишь бы не Гаевский. Слава богу, хотя бы не он, а соседка из квартиры напротив, Зоя Ивановна.

Вообще с соседями я не особо общаюсь. «Здравствуйте» при встрече – вот и вся коммуникация. И меня это более чем устраивает, поскольку общения мне с лихвой хватает и на работе. Марк так и вовсе наших соседей со всех сторон ненавидел лютой ненавистью. Пожалуй, только с Зоей Ивановной, единственной, и был благожелателен. Но на неё трудно злиться. Там бабушка – божий одуванчик. Её не видно и не слышно. Хотя у старушки еще и собака имеется, огромная патлатая дворняга, которая за все годы ни разу ни на кого не гавкнула, ни разу нигде не нагадила. Так что Зоя Ивановна – идеальная соседка.

Я, конечно, её впускаю, но сама про себя удивляюсь – что ей вдруг понадобилось?

В руках у нее какие-то бумажки в целлофановом пакете, но она их не достает, просто держит.

– Лерочка, простите, ради бога, мне так неудобно вас тревожить... простите... – рассыпается она в извинениях. И я вижу, что ей на самом деле неловко и эти реверансы могут длиться ещё долго, поэтому перебиваю:

– Всё нормально, Зоя Ивановна. Что вы хотели?

Но ей очень трудно подобрать слова и вообще с чего-то начать, и она еще минут пять ходит вокруг да около.

– Вы, может, не знаете, не застали... моего мужа покойного... Виктора Андреевича... царствие ему небесное... чудесный был человек...

– Эм... не помню. Извините.

– Да. Витя умер до того, как вы, Лерочка, купили эту квартиру. Пятнадцать лет уж прошло, как его не стало. Умирал тяжело... болел долго... я за ним до последнего ходила...

– Мне жаль, – говорю то, что полагается в такие моменты, но никак не могу понять, зачем она мне это рассказывает. И только из уважения к возрасту продолжаю слушать.

– У Витюши от первого брака осталось двое детей. Сын и дочь. Юра и Валентина. Когда мы поженились, они уже взрослые были. Жили отдельно. Когда Витюша заболел, Юра навещал. Ну и всегда помогал с лекарствами, с деньгами. А Валя только звонила иногда. Я всё ей говорила, чтобы зашла, проведала отца. А ей всё некогда. Она торговала на рынке с утра до вечера.

Я киваю, а сама думаю: завтра столько дел, еще и лекция в универе...

– Квартиру мы приватизировали еще давно. На двоих. Поровну. А когда Витя умер, он оставил завещание.

Доходит очередь до бумажек. Сильно волнуясь, она достает трясущимися руками из пакета документ.

– Вот, видите. Свою часть квартиры Витя завещал мне и своим детям. Получается, у меня шесть восьмых и у Юры с Валея – по одной восьмой.

– Угу, – устало киваю я.

– Но он им сказал сразу: пока Зоя жива, чтоб никакой де-лежки. Дайте ей дожить спокойно. Потом уж начинайте делить. Юра следил за волей отца. А недавно он уехал за границу жить. И сразу же ко мне пришла Валя с каким-то парнем. Таким наглым... в ботинках прошел в комнату... осмотрел всё... курил... Сказал: «Тихо, бабка».

– Что они хотели?

– Валя хочет два миллиона...

– За свою долю?

– Да, – кивает соседка.

– Ну, в принципе, имеет право, – пожимаю я плечами. – В завещании ведь это условие не оговорено, только на словах ваш муж просил подождать, верно? Поэтому по закону она вправе претендовать на свою долю, если не договоритесь. Однако сумма внушает сомнение. Откуда она взяла два миллиона? С потолка?

Старушка смотрит на меня слезящимися глазами и часто моргает.

– Все говорят, что вы, Лерочка, очень хороший адвокат...
– бормочет заискивающе.

– Я по уголовным делам адвокат, Зоя Ивановна. Жилищное право – это совсем другое. Это абсолютно не моя область.

– А что же мне делать?

– Вам надо к юристу по жилищным вопросам.

– Валя сказала, что если я не отдам два миллиона до конца месяца, то должна буду съехать... но куда мне? Я копила понемножку, на похороны откладывала, да и так... я же немного трачу. Но два миллиона... я денег-то таких никогда не видела. Где же я их возьму?

– О, ну, это уже, конечно, беспредел. Успокойтесь, Зоя Ивановна. Выселить она вас точно не может. Никким образом. В этой ситуации она может лишь обратиться в суд, если договориться не получится. Ну, пусть обращается. Скорее всего, суд обяжет вас выплатить компенсацию, но на основании независимой экспертизы. И сумма будет в разы меньше. К тому же суд может предоставить рассрочку.

– А что мне Вале сказать?

– Так и скажите: иди, Валя... в суд.

Я выпроваживаю соседку. И тут же начинает звонить соловей. Бросаю мельком взгляд на экран: Гаевский.

Ну нет. На сегодня всё. Мне необходимы тишина и покой.

А лежа в ванной, я ни к селу ни к городу вдруг вспоминаю вчерашнюю сцену в театре. Это был... шок. По-настоящему

испугаться я, конечно, не успела. Но если подумать, то могла бы запросто остаться без сумки, а значит, без телефона, карточек, ключей...

И я ловлю себя на том, что лежу в пене и улыбаюсь. Трепло он, конечно, этот Шаламов, и мальчишка совсем, но... всё-таки красавчик, этого не отнять. И не злопамятный... не то что я.

Да, я вдруг вспомнила, чем он так привлек меня в первую нашу встречу. Это, естественно, ничего не меняет, однако поблагодарить его нужно. Да, обязательно скажу ему спасибо. Вчера я как-то не успела. Не сообразила, всё так быстро случилось. Да и он моментально ушел к своей девочке...

Маме Шаламов тоже понравился. «Ах, какой хороший молодой человек! Знать нас не знает, а кинулся помогать. А говорят, что молодежь пошла не та...», – восторгалась она. А я лишь обескураженно помалкивала...

Во вторник у меня единственная лекция у четвертого курса. Выезжаю заблаговременно, чтобы не опоздать, не бежать по коридору впопыхах, и, как по заказу, все дороги в кои-то веки пусты и свободны. Ни пробок, ни малейших заторов. Ещё и ловлю «зеленую волну». Так что приезжаю в универ сильно заранее. До начала лекции времени – вагон. Минут сорок, не меньше.

Своего рабочего места на кафедре у меня не имеется, по-

этому сажусь на диване. Заняться, в принципе, всегда есть чем. На колени устраиваю портфель, выкладываю документы, но вчитаться мне так и не дают. Сначала Валентина Осиповна одолевает расспросами:

– Валерия Сергеевна, а вы ведь у нас сами не так давно учились?

– Да, на факультете международного права.

– А преподавать почему решили у нас, у правоведов, а не у своих, не у международников?

– Ну, уж куда позвали... – развожу руками.

– Не пожалели ещё, что согласились?

– Не дождётесь, Валентина Осиповна, – смеётся уса-
тый-бородатый Игорь, и та сначала обиженно замолкает, а
потом набрасывается на него с претензиями. Игорь отбивает
все её нападки своими шуточками. В общем, работы ника-
кой. И я собираю все свои бумажки обратно в портфель и
иду в триста вторую.

Постепенно просторную аудиторию наполняют студенты,
рассаживаются кто куда, негромко переговариваются. Ров-
но со звонком начинаю лекцию, отмечая про себя с легким
разочарованием, что Шаламов не пришёл. Ну что ж, тем ху-
же для него. На следующем семинаре будет тест...

Однако спустя четверть часа он всё-таки соизволяет
явиться. Открывает дверь и заходит вдвоём со Свиридовой.
Хмурится, на меня не смотрит. Бубнит что-то под нос угрю-
мо – видимо, здоровается. Свиридова оказывается поразго-

ворчивее.

– Здравствуйте, Валерия Сергеевна. Извините за опоздание. Мы... – она коротко, но многозначительно хихикнула.
– Мы нечаянно.

– Садитесь, – разрешаю, хотя кому я это говорю? Шаламов, не дожидавшись дозволения, уже сидит на первом ряду, среди своих друзей. И Свиридова подсаживается туда же. Для остротки напоминаю: – В другой раз опоздавшие будут слушать лекцию с той стороны двери.

На самом деле я бы и сейчас эту парочку выпроводила вон, если бы... если бы не случай с сумкой. Ненавижу быть благодарной...

– ... На практике, увы, представление доказательств зачастую вообще не документируется, – продолжаю я, – и о том, что, допустим, некий предмет был вручен следователю обвиняемым, потерпевшим или свидетелем, мы узнаем, лишь ознакомившись с показаниями этих лиц...

Сегодня я стараюсь разнообразить лекцию, перемежая теоретические постулаты подходящими случаями из практики. И поток действительно оживает. Только я успеваю ответить на один вопрос, как тут же тянется ещё рука, и ещё.

Один Шаламов сидит с таким видом, будто присутствует здесь только физически, а мыслями летает совершенно в иных местах. И, естественно, ничего не слушает, ничего не конспектирует. Выглядит он тоже сегодня не так шикарно, как на прошлом семинаре. Натянув капюшон толстовки на

голову, сидит, развалившись на скамье, смотрит перед собой безучастно. Будто спит с открытыми глазами. И мне стоит значительных усилий сдерживать так и рвущиеся с языка острые реплики в его адрес и делать вид, что не замечаю его открытого нежелания работать, да и вообще тут находиться.

Да, благодарность – тяжкая ноша...

Звонок прерывает меня на полуслове, но никто не начинает собираться, все сидят слушают. Я спокойно заканчиваю лекцию, предупреждаю, что на следующем семинаре будет тест, и всех отпускаю. Шаламов поднимается вместе со своей компанией, негромко переговаривается, медленно выходит из-за длинного стола.

– Артём, – зову его по имени.

Он приостанавливается, поднимает на меня вопросительный взгляд, мол, что нужно? И вместе с ним стоит и смотрит вся его компашка. Да и другим студентам интересно. Некоторые, те, кто у дверей уже, слушают, вывернув шеи.

Я, конечно, рассчитывала, что Шаламов просто подойдет ко мне, но он и не собирается.

– Что? – спрашивает недовольно.

– Хочу вас, Артём, поблагодарить. Вы меня здорово выручили в воскресенье...

– Угу, – не дослушав, мрачно кивает он и, не глядя, идёт на выход.

Всё-таки мальчишка он и есть мальчишка.

16. Лера

В четверг в универ еду без всякой охоты. День вообще не задался с утра. Важный свидетель по одному из текущих процессов вдруг слился, как говорит молодежь. С этим я, конечно, разберусь, но это опять же лишняя трата времени. Ещё и семинары эти отнимают полдня. Даже думаю: ну и зачем оно мне вообще? Преподавание это. Ни уму, ни сердцу. Лишний геморрой. Но раз обещала, до конца семестра так или иначе придется довести курс. А потом всё, увольте...

Хотя сама атмосфера нашей альма-матер, конечно, захватывает. Чарует. Будто окунаешься в те времена, когда всё было легко и радужно. Когда ещё душа пела, и будущее казалось удивительно прекрасным.

В порыве ностальгии я даже навещаю в родной корпус, благо время позволяет. Вообще я такие моменты не люблю. Все эти встречи с людьми из прошлого, натужные расспросы «как дела», формальные ответы. Но тут как-то вдруг приятно стало на душе.

Ну а затем всё портит Гаевский. Сталкиваюсь с ним нос к носу прямо на лестнице. И, конечно, пройти мимо не получается. Он преграждает мне путь, стоя на ступень ниже.

– Лера, надо поговорить.

– Прямо на лестнице?

– Ну а как еще, если ты на звонки не отвечаешь?

– Марк, мы всё обсудили. Если ты переживаешь из-за развода, то успокойся. Я дождусь, когда твою кандидатуру утвердят. Господи, мы же всё с твоим отцом обсудили. Что ещё?

– Да плевать мне на поездку!

– Да ну? – недоверчиво усмехаюсь я.

– Лера, можно я вернусь домой?

– Ты и так, Марк, вернулся домой.

– Мой дом там, где моя жена, где ты! – выдает он пафосно и тут же добавляет тихо, просяще. – Можно я к тебе вернусь, а?

– Об этом даже думать забудь.

– Лера, ну что ты ведешь себя, как маленькая? Не можешь простить мне одну-единственную оплошность. А все годы вместе не в счет? А то, что я тебе ни разу не изменял, хотя мог бы... Между прочим, среди студенток есть такие, кто не против... А были такие, что и сами предлагали...

– Марк, я глубоко ценю твою великую жертву.

Я огибаю его и собираюсь спускаться дальше, но он хватает меня за локоть. Второй рукой он прижимает к груди кипу каких-то распечаток. Держать ему одной рукой неудобно – стопка большая, листы расплзаются, но Марк все равно не отстает.

– Глумишься? А зря! Да я только свистну...

– Отпусти меня, – говорю с раздражением, но Марк сжимает пальцы еще крепче. Мне почти больно. И только я со-

бираюсь высказать ему всё, что думаю, без обиняков, как вижу, что сверху спускается Шаламов со своей бессменной подругой Леной Свиридовой. И я молчу, понимая, что мне совсем не хочется, чтобы наши разборки с Гаевским слышал... слышали мои студенты. Только вот Гаевский это не улавливает и продолжает гундеть на повышенных тонах.

– Слишком высокого мнения ты о себе, как я погляжу. Больно падать будет... – цедит Марк и вдруг вскрикивает. Ножом неожиданно высоким фальцетом, почти по-женски. А его увесистая стопка разлетается по всей лестнице. Это Шаламов, проходя мимо, толкнул его, а теперь спускается ниже как ни в чем не бывало под злобный клёкот Марка.

– Я это так не оставлю! Совсем обнаглели! Какая группа? – кричит Марк.

– Сорри, я нечаянно, – невозмутимо бросает Шаламов.

Я пользуюсь моментом и тоже сбегая, аккуратно перешагивая бумаги Гаевского. При этом еле сдерживаю улыбку. Шаламов замечает мою гримасу и расценивает её, конечно же, неправильно.

Мне просто забавно, как миготом слетает напыщенность с Марка. Но вообще такие вмешательства мне не по душе. Уже с Гаевским я в состоянии разобраться сама. Так что зря влез Шаламов, зря.

Однако он собой явно доволен...

И в пятницу на семинар ко мне приходит не угрюмым и сумрачным, как накануне, а вполне себе веселым.

Меня его настроение, конечно, мало волнует. Но все равно против воли выделяю его среди остальных. И про себя отмечаю, что он на этот раз не опаздывает и больше не сидит всю пару с каменным лицом и отсутствующим взглядом. И даже что-то сосредоточенно пишет в тесте, хотя прошлую лекцию он не слушал. Правда, Свиридова то и дело суется к нему в листок и что-то нашептывает. Наверное, подсказывает.

Не знаю почему закрываю на это глаза...

За полчаса до конца пары собираю тесты, тут же проверяю и разбираю самые частые ошибки. И уже перед звонком возвращаю тесты с оценками.

Шаламов, хмуря брови, изучает мои пометки. Медленно доходит до дверей, потом поднимает глаза от листочка и оглядывается на меня. У него четверка. Вполне справедливая, учитывая, что допустил пару ошибок, и что подруга ему подсказывала. Но ему оценка, вижу, не нравится.

Остальные зовут его, но он отмахивается:

– Идите. Внизу встретимся.

Когда в аудитории никого не остается, он подходит ко мне. По-моему, ему немного неловко. Во всяком случае он ведь специально дождался, когда все уйдут, и теперь не сразу начинает. Личное, видимо, ему мешает.

– Артём, вы что-то хотели? – интересуюсь спокойно.

– Почему у меня четыре? – спрашивает он, глядя в глаза.

Вообще, Шаламов не похож на того, кого сильно волнуют

собственные оценки. Да и сейчас он, скорее, озадачен, чем возмущен.

– Вы не ответили, когда, как и кем выносится постановление о приобщении к делу вещественных доказательств.

– Этого не было в лекции, – заявляет он.

– Артём, вы без пяти минут юрист. Вы как работать собираетесь? Клиентам своим, коллегам, судье... тоже будете, чуть что, говорить: этого не было в лекции? Это есть в уголовно-процессуальном кодексе, который вы должны знать от и до.

Он смотрит на меня долгим взглядом, а потом вдруг усаживается полубоком прямо на мой стол и выдает:

– Мне кажется, ты ко мне просто придираешься. Специально. И на той неделе, и сейчас. Интересно, почему?

Я даже не сразу нахожусь, что ответить. Это просто уже нахальство.

– Что за глупости? – усмехаюсь.

А он вместо ответа придвигается ближе. Мне становится неловко, и я отхожу от стола на пару шагов. Это бред, конечно, что такая ерунда, как внезапное нарушение моих личных границ, так на меня действует.

Ни одна самая сложная ситуация ни разу не лишала меня уверенности так, как сейчас запросто сделал он, всего лишь придвинувшись непозволительно близко. Я злюсь на себя за это, но поделать ничего не могу. Разве что скрыть свое смущение.

– Ты... – тянет он с легкой улыбкой.

– Так, во-первых, давайте-ка соблюдать субординацию, господин Шаламов. На «ты» вы, пожалуйста, к своим девочкам обращайтесь.

– К каким – моим девочкам? – явно играет он.

– К подружкам вашим.

Я нервничаю внутри. Черт возьми! А он, наоборот, становится расслаблен и как будто даже слегка насмешлив.

– Так ты ревнуешь, может? – забавляется он. Или даже радуется, как будто, если бы я его и правда ревновала, это сулило ему какую-то пользу. Потом сообщает великодушно: – Нет у меня никаких девочек и никаких подружек. Ну то есть ничего серьезного... Я, может, вообще только о тебе думаю... о том, что у нас было...

Шаламов плавно снимается со стола и вот уже стоит рядом, напротив, в полушаге от меня. Отступать дальше несерьезно. Мальчишка просто зарвался! Пора его привести в чувство!

– Что ты себе позволяешь? – строго произношу я. – Я ведь могу сделать так, что тебя отчислят.

– Это вряд ли, – усмехается он.

– Проверим? – с угрозой и вызовом спрашиваю я.

И вдруг он подается вперед и впивается мне в губы поцелуем, порывистым и жадным...

17. Артём

Не знаю, что на меня нашло.

Нет, я этого хотел, конечно, и не только этого, но даже мысли не было на неё вот так накидываться. Ну, может, и были, но не всерьёз, а так... в виде фантазий.

Перемякнуло меня, короче...

Лера тоже, конечно... Я её вообще понять не могу. То всё было круто, то она как фурия, потом – опять нормальная, даже улыбается. Улыбнулась один раз...

Теперь вдруг каких-то девочек приплела. Ну, понятно каких – Ленку или Веру. Про мои прошлые похождения она вряд ли в курсе.

Но всё равно какие они – мои девочки? Бред, конечно, но это ведь, значит, что она заметила... запомнила...

После прошлого семинара, когда она на мне вызверилась, я сначала вообще не собирался ходить на её пары. Встречаться с ней не хотел. Думал, выкину из головы и всё. Даже нашим сказал, что больше на её тупое доказывание ни ногой. Но во вторник все равно притащился. Не знаю, почему. Да просто нечем было заняться. А потом она поблагодарила за сумочку свою дурацкую и по имени меня назвала...

Нет, я понимаю, что это ерунда, ну, типа элементарная вежливость, но... не знаю, как-то меня попустило сразу. Да-

же взял у Ленки конспекты и к следующему семинару подготовился. А то этот её «полный ноль» меня прямо подрубил конкретно.

Ленка, конечно, сразу принялась фыркать:

– Ты под Самарину прогнулся.

Я сначала наехал на неё:

– Что за чушь ты опять пореешь? Достала уже.

Свиридова вроде отвязалась, но через день мы спускались после криминологии и встретили на лестнице Леру с одним типом.

Он у нас не вел, но вижу – физиономия знакомая. Позже Клео на пару с Ленкой рассказали, что он – сын нашего проректора Гаевского и, по совместительству, конченный мудака. Народ его терпеть не может, ну те, кому посчастливилось у него учиться или, ещё хуже, что-нибудь ему сдавать. И кликух у него – воз и маленькая тележка: и Гайка, и Гай Фокс, и Геевский, это только то, что приличное. А так – как только его не склоняют. Там целое матерно-народное творчество.

Ну а для меня он просто левый чел. И, если бы он стоял с такой же левой тёткой, я бы даже внимания на него не обратил. Но он стоял с Лерой, и мне, конечно, стало любопытно.

Что уж они там не поделили – не знаю, по работе, наверное, рамсанули, но он ей нахамил. Ещё и лапоть начал, сука. Ну я и не сдержался. Двинул этого мудака плечом, когда мимо проходил. Тот сразу от Леры отцепился, отшатнулся, ру-

ками замахал, бумажонки свои разбросал по всей лестнице. А Лера... Лера мне улыбнулась. Вот так.

Ленка потом всю перемену причитала:

– Тёма, ты с ума сошёл? На последнем курсе вылететь захотелось из-за какой-то фигни?

– Ой, давай без драм, – отмахнулся я.

– Тём, не будь дураком. Он не просто препод. Он – сын проректора и гнида редкостная. Помнишь, Стаса Соловьева? Вот с ним как раз у Стаса и был конфликт, из-за чего его потом отчислили. И папашины бабки не помогли.

Потом подключилась Клео и тоже начала стращать. Но мне было плевать. Даже не так – у меня настроение сразу подпрыгнуло.

Потом весь вечер долбил это чертово доказывание. Потому что Ленка пишет хоть и аккуратно, но одними сокращениями – я голову сломал их расшифровывать и вникать в смысл. Отец ещё подстебнул: наряжаться не будешь?

Но на семинар я заявился бодро, на позитиве. А тут этот тест, ну и всё остальное...

В общем, сам не знаю, как так вышло, что я на неё накинулся. Вот смотрю в её глаза, что-то говорю и умом понимаю, что разговор наш куда-то не туда идёт, а остановиться не могу. Вижу, что она теряет самообладание, волнение её охватывает, и это меня только подстегивает. Так, что в животе сгущается теплая щекотная тяжесть.

А в следующую секунду я уже сминаю её губы так, будто

сто лет не целовался. И оторваться не могу. Такой кайф...

А когда Лера вдруг отвечает на поцелуй – у меня просто башню сносит. Потом понимаю на задворках сознания, что она меня уже отталкивает, но не могу её отпустить – только крепче прижимаю к себе, стискиваю затылок, целую жестче. Но она все равно вырывается. Отскакивает. Смотрит на меня, как на маньячелло какого-то. Хотя я, наверное, так примерно и выгляжу в этот момент.

Потом, ни слова не сказав, только гневно сверкнув глазами, вылетает из аудитории. А на меня обрушивается осознание: блин! Что я наделал! Я всё испортил...

Что она теперь про меня думает? Что я реально маньячелло? Озабоченный неадекват? В придачу к «полному нулю»...

И самое тупое, что меня это не просто заботит – меня это капец как выстегивает. Давит и раздирает одновременно.

Вечером сидим в «Инкогнито». Владу восстановили его вип-карту, и Клео больше мозг мне не выклеивает. Наши треплются, я даже не вникаю. Сажу и медленно, но верно накачиваюсь пивом. Ленка, тоже подпив, начинает опять ко мне цепляться:

– Шаламов, у тебя настроение меняется, как у беременной, чесслово. Утром такой радостный был, а сейчас как на поминках. Кого хороним?

Я вяло огрызаюсь. Выгибаю из-за стола и иду вниз. На

танцпол. Пора взбодриться, а то пиво совсем придавило. А, может, и не только пиво. Ленка права: настроение у меня сейчас – убить или убиться.

На танцполе сливаюсь с толпой, закрываю глаза, а когда открываю – ко мне льнет какая-то девчонка в топе и замысловатой татушкой на шее. Извивается, выгибается, скользит вверх-вниз, придвигаясь ко мне плотнее и плотнее. Практически елозит грудью по моему телу. Короче, сплошная эротика. И через пять минут мы с ней уже целуемся в холле. Её руки лежат у меня на поясе, а затем пальцы протискиваются под ремень джинсов и резинку трусов. Мне становится щекотно. И что странно – это единственное, что я чувствую. Может, перебрал с пивом, поэтому так. Но понимаю, что не хочу. Ничего не хочу. Убираю её руки, отклоняюсь сам. Она недоумевает:

– Э! Что не так?

Но я молчком сваливаю к нашим. Сидим ещё час или два, не знаю. Наши уже в ударе. А я больше помалкиваю, потому что с трудом вывожу свое настроение. Потом иду отлить, и следом увязывается Влад.

– Что, Тёмыч, ты из-за Самариной так грузишься? Она тебе что-то сказала сегодня?

– С чего ты взял? – вырывается у меня как-то слишком резко.

Влад пожимает плечами и больше с расспросами не лезет.

– Карту без проблем восстановили? – спрашиваю его, на-

мывая руки.

Влад поднимает на меня глаза. То есть на зеркало над раковиной, но смотрит через отражение на меня. И смотрит так многозначительно, будто что-то знает.

– Не пришлось, – наконец отвечает. – Мне её вернули.

– Ммм, – киваю я.

– Её в номере, в «Хистори», горничная нашла. Ну и передали, видать. А мне потом из клуба позвонили...

Влад продолжает красноречиво сверлить меня взглядом.

А я молчу, только желваки под кожей ходят. Что тут скажешь? Впалился я по полной и Леру впалил... Не знаю, какие у нее могут быть из-за этого проблемы, но если она так сказала, значит, не просто так. Короче, со всех сторон я перед ней отличился. Аж тошнота накатывает.

Отхожу, опускаю руки в сушилку и, не оборачиваясь, спрашиваю Влада:

– Наши уже знают?

– Ну, я никому не говорил. Сказал, что новую сделал, если ты об этом.

– И даже Клео не сказал? – оглядываюсь на него в удивлении.

– Нет. Там и так Ленка уже наболтала...

– В смысле?

– Да мы как-то шли и встретили её... ну, Валерию Сергеевну. Кажется, на другой день после первой лекции. Ну и Ленка ляпнула при ней про этот отель.

– А Лера слышала? – холодеет у меня внутри.

– Да там, по ходу, все слышали. Ленку не знаешь, что ли?

– Вот же коза, – вырывается у меня.

Мы выходим в холл, но я сворачиваю в сторону гардеробной.

– А ты куда?

– Не, я всё. Пора нах хаус*.

– Да ты чего, Тёмыч? Детское ж время.

– Я же Свиридову щас убью, если туда вернусь.

И Влад понимающе хмыкает и протягивает руку.

– Ну ладно, давай тогда.

А я потом всю ночь терзаюсь. Встаю, ложусь, опять встаю. В который раз гуглю Леру. Инфы о ней почему-то мало, и та в основном про её адвокатскую деятельность. Про личное – вообще ничего, кроме того, что она закончила наш универ шесть лет назад. Ну и телефон её у меня теперь есть, хотя наверняка он тоже рабочий. Потом проверю.

Засыпаю с мыслью, что надо с Лерой поговорить. Ну хотя бы извиниться...

* nach hause – домой (нем.)

18. Лера

Какая же идиотская ситуация!

Надо было сразу всё ему сказать. Расставить все точки. Осадить, привести мальчика в чувство. Хотя в тот момент меня бы кто привёл...

Сама от себя не ожидала такой реакции. И до сих пор, когда вспоминаю этот его поцелуй порывистый, его напор, его жар, краснею как школьница. И отмахнуться не очень-то получается.

Свалился же на мою голову этот Шаламов. Что ему нужно?

Хотя тут как раз понятно что. Непонятно, как себя с ним правильно повести. Либо так, как будто ничего не было: сдержанно, холодно, строго. Либо разъяснить ему, что подобное не должно повториться. Второе, конечно, правильнее, но, чувствую, это будет сложно. Потому что, стоит признать, рядом с ним мне нелегко сохранять самообладание. Не знаю, почему. Стыд ли это, смятение или что-то ещё, не знаю, но это мне мешает. И если на людях, во время тех же лекций и семинаров, я без усилий отсекаю от себя ненужные мысли и эмоции, то наедине... даже не подавить, а хотя бы скрыть волнение – уже задача. Дурость какая-то...

Что он там заявил? Я его ревную? Вот же нахал.

Но самое нелепое то, что все выходные я нет-нет, да опять вспоминаю его выходку. Обедаю, читаю материалы по текущим делам, принимаю душ, пытаюсь уснуть – и вдруг оно всплывает... или, точнее, вспыхивает, заслоняя все прочие мысли. И сразу – внутри, в животе сладко поджигается, к лицу приливает кровь. Ночью – так и вовсе маюсь. Закрываю глаза и вижу его горящий взгляд, его губы в преступной близости. И сердце так глупо трепещет.

А потом вдруг понимаю, почему меня это так разволновало. Ну и продолжает волновать. Потому что это приятно – чувствовать себя желанной. Особенно после слов Марка. Как бы я ни старалась их забыть, Гаевский здорово меня ранил. Подкосил основательно мою женскую самооценку. А в Шаламове я нахожу то, в чем именно сейчас неосознанно нуждаюсь. Это как лекарство. Как психотерапия.

Да, точно, всё дело лишь в этом.

Разжевав самой себе причины своих переживаний, я успокаиваюсь наконец и засыпаю.

В понедельник возвращаюсь домой поздно. И ещё снизу слышу ругань. Поднимаюсь на свой этаж и обнаруживаю, что скандалят в квартире Зои Ивановны. Судя по голосам, там у неё кто-то наводит разборки. Как минимум, двое – мужчина и женщина.

– Не хочешь по-хорошему, дура старая, – голосит тётка.

– Значит, будет по-плохому! Вот подселим к тебе барыгу какого-нибудь. На своей части квартиры я – хозяйка!

– Так оно и есть, – басит мужчина. – Ты, бабка, подумай, оно тебе надо? Мы завтра сдадим наш угол наркоманам и будешь с ними жить, пока сама не сбежишь...

На их крики откуда-то приглушенно лает собака. Что им отвечает сама Зоя Ивановна – не слышно.

И тут подключается ещё один мужской голос, молодой, вежливый, вкрадчивый.

– Зоя Ивановна, миленькая, вы ошибаетесь. Валентина имеет полное право распоряжаться своей долей. В том числе переписать или продать её кому угодно. И наркоманам, и бандитам. И вам придется с ними жить. Только это тяжело и даже опасно. Поэтому в ваших же интересах, миленькая, пойти на наши условия.

До безумия хочется тишины и покоя, как, в общем-то, всегда в конце тяжелого дня. Голова просто раскалывается. И я почти уговариваю себя зайти домой, закрыть дверь и отрубиться до утра, уже и ключ к замку поднесла, но... в последний момент разворачиваюсь и звоню в соседскую дверь.

Вероятно, дочка ее усопшего мужа так жаждет заполучить свои денежки, что готова на всё. Даже вот обратилась к черному риэлтору. То, что именно он там выступает – понятно сразу. Хотя я и не занимаюсь жилищным правом, но мало-мальски знакома с подобными схемами честного отъема жилплощади. Конкретно эта – с подселенцами и бытовым

террором – как раз в ходу у черных риэлторов в тех случаях, когда хозяев у квартиры несколько, а договориться не могут.

– Кто там ещё? – ворчит женщина. – Не открывай, Костя. Не до гостей пока.

Я снова звоню, теперь уже долго и требовательно. Щелкает замок, и в просвет показывается недовольное и одутловатое женское лицо. Видимо, Валя собственной персоной. Навскидку ей лет сорок пять, где-то столько же и мужчине, выглядывающему из-за её плеча.

– Вам кого? – спрашивает она.

– Видимо, вас.

Я слегка подталкиваю дверь и переступаю порог, вынуждая её отойти.

– Что вам надо? – непонимающе моргает она. – Вы кто?

В прихожей вижу смазливого парня, примерно моего возраста, и бедную свою соседку. Зоя Ивановна жмется в углу с затравленным видом. Ну а парень стоит, привалившись плечом к косяку кухонной двери, из-за которой скребется и постукивает соседский пёс.

Парень смотрит на меня с легким прищуром, изучающе, пока не понимая, кто я и как на моё появление реагировать.

– Я – Самарина Валерия Сергеевна, адвокат Зои Ивановны, – официально представляюсь всей этой компании. Для пущей важности даже показываю своё удостоверение.

Тётка и, видимо, её муж сразу начинают нервничать.

– Как адвокат? Откуда?

Вопросительно взирают то на Зою Ивановну, то на затихшего парня. Растягивать весь этот цирк у меня нет ни времени, ни желания, поэтому сразу перехожу к делу:

– Вы, я так понимаю, Валентина, и вам принадлежит одна восьмая этой квартиры?

Тётка растерянно кивает.

– Вы отдаёте себе отчёт, что ступаете на скользкую дорожку? Что собираетесь нарушить закон? Да, собственно, вы уже его нарушили. Шантаж, вымогательство, запугивание. Теперь ещё и мошенничество маячит. Вы уже заработали себе на вполне реальный срок.

– Слава? – обескураженная тётка взывает к парню.

– Вы о чем? – усмехается тот. – Какой шантаж, какое вымогательство? Мы всего лишь пытаемся договориться о продаже доли...

– Сразу скажу, что препираться не собираюсь. Я просто довожу до сведения, что все ваши действия противозаконны. Если вдруг вы, Валентина, сами этого не понимаете. Что следует дальше с нашей стороны? Заявление в соответствующие органы и разбирательство. И когда у вас, молодой человек, будут брать показания, вот тогда вы можете сколько угодно спорить, выдвигать свои какие-то версии происходящего, доказывать, объяснять своё участие...

– Простите, кто вы?

Я снова показываю ему удостоверение. Усмехнувшись, он гуглит в телефоне. Спустя минуту от усмешки нет и следа.

– Хорошо, – примирительно улыбается парень. – Ну, вы понимаете, что ситуация тупиковая? Мои клиенты не должны ждать неизвестно сколько. Они имеют право продать свою долю незамедлительно. Знаю, знаю, что по закону преимущественное право у Зои Ивановны. Так мы ей и предложили.

– Купить угол за два миллиона? А почему не за десять?

– Ну, мы посмотрели примерные цены, – бормочет тётка.
– Мы же не должны продавать дешевле, чем...

– Это была примерная цена, – вмешивается парень, – средняя температура по больнице. В любом случае, Зоя Ивановна выкупить долю не может. Сколько вы предложили, Зоя Ивановна? Пятьсот тысяч? Но это смешно. А больше она не может. Что тут поделаться?

– Зачем что-то поделывать? Есть порядок, как всё должно происходить. Во-первых, вызываем эксперта для оценки недвижимости. Только такая цена является правомерной, а не «посмотрели примерно». Во-вторых, согласовываем расщровку...

– Ну уж нет! – вскидывается Валентина. – Мне надо сразу всю сумму! Имею право! Мне зачем каким-то кусками?

– Если вы не согласитесь на рассрочку – значит, согласуем её через суд. Это раз. А дальше будьте готовы компенсировать Зое Ивановне все расходы по коммунальным платежам за сколько лет? Пятнадцать? Я так понимаю, вы за квартиру не платили свою часть?

– Так я тут и не жила! С чего бы я должна?

– Закону без разницы, где вы жили. Как совладелица вы обязаны были делить коммунальные расходы. Это просто факт. А поскольку Зоя Ивановна все эти годы платила одна, мы взыщем помимо этих расходов так же и все пени за пятнадцать лет, и все моральные убытки, и, разумеется, все судебные издержки, как с проигравшей стороны. А это только мне вы будете должны около ста тысяч.

– Да как так-то? – багровеет тётка. Поворачивается к мужу, затем к риэлтору. – Слава? Это же бред, да?

Но тот мнетя, отводит глаза.

– Слава?! Это что, всё вот так?

– Ну... смотреть надо... – бормочет он беспомощно.

– Ну, вы смотрите, – продолжаю я, – скажем, до среды. В среду встретимся в моем бюро после обеда. Сейчас дам визитку, там адрес. И тогда уже, как положено, согласуем порядок действий. Сразу говорю, про миллионы эти мифические можете забыть. А если дойдет до суда, то и «смешные» пятьсот тысяч вы вряд ли получите.

Через минуту вся эта троица уходит, и я наконец иду домой. Сил нет даже поужинать, только душ, чай и сразу спать.

Во вторник ловлю себя на мысли, что иду на лекцию к четвертому курсу и неуловимо волнуюсь. Самую малость. Просто как легкая рябь на водной глади. И всё же мне это не нравится. Напоминаю себе: он всего лишь мальчишка. А вот

я – отнюдь не юная школьница, которой позволительно трепетать от мужского внимания. Вроде успокаиваюсь.

Шаламов приходит на лекцию со звонком, здоровается, к счастью, просто вежливо и вообще не выказывает ничего такого. Ни усмешек нахальных, как в пятницу, ни взглядов, от которых не по себе. С виду – обычный студент. Но, что странно, уходит он в самый конец аудитории, забирается буквально на галерку. Его компания удивленно оглядывается, шепчется. Боевая подруга Свиридова даже зовет его пару раз, но Шаламов не реагирует. И всю лекцию сидит – ну просто сама серьезность и сосредоточенность. И слава богу.

Однако после лекции он никуда не уходит. Даже с места не встает. Сначала я не обращаю на него внимания – часть студентов, облепив меня тесным кольцом, задают по лекции вопросы, и я охотно на них отвечаю. Потом, когда все постепенно расходятся, вижу – сидит. И только когда аудиторию покидает последний – Артём поднимается из-за стола и медленно идёт вниз.

Другому я бы сказала на его неспешную походочку: пошевелись, быстрее давай. Но тут подхожу к двери, стою и молча жду, когда он спустится, выйдет и я смогу закрыть аудиторию. Потому что чувствую, как недавнее волнение снова возвращается. И с каждым его шагом скачками нарастает в груди. Черт-те что.

Я себя, конечно, беру в руки и внешне выгляжу спокойно – не подкопаешься, но сердце бьется так, что его стук громче

шума в коридоре. Скорее бы уже ушёл.

Но Шаламов подходит к двери и вместо того, чтобы выйти, берется за ручку и закрывает её.

19. Артём

С Ленкой у нас в эти выходные вышла эпическая ссора. А заодно – и со всеми нашими. Но началось с Ленки.

Мы договорились затусить в Модном квартале. Я согласился, но сразу шёл туда с конкретным намерением – высказать ей, чтобы впредь не совала свой нос куда не просят.

В общем-то, что хотел – то и сделал. Влетел на всех парусах в «Фо Ми», где наши засели. Ну и с ходу вывалил всё, что накипело.

Наши в первый момент малость опешили – я же обычно на людей не бросаюсь. Тут уж просто не выдержал, и сорвало клеммы.

Ленка сначала изображала полное непонимание и оскорбленную невинность. Потом я её припёр:

– Ты ляпнула при Ле... при Самариной про отель? Что смотришь? Ты?

Ленка сразу в слёзы. Припомнила, что писала за меня когда-то курсач, конспектами обеспечивала, прикрывала, помогала, бежала по первому зову, после каких-то гулянок мчалась на вписки и отвозила домой, да много всего. А я, сволочь, пользовался и не ценил.

– Спасибо, мамочка, но мне твоя помощь уже вот где, – полоснув по горлу ребром ладони, вспылил я. – Гарику вон

лучше помогай. Или Никитосу. Они оценят. А меня ты уже достала!

– Ну ты и мудак, Шаламов, – встряла Клео. – Скотина неблагодарная.

– Да-да, и скотина я, и мудак, – разошелся я. – Только отвалите уже от меня.

– Тебе просто твоя преподша не дает. Вот ты и бесишься, – процедила она, обнимая плачущую Ленку. И ерничая, продолжила: – Ну, надо же, в кои-то веки кто-то нашему Тёме не дал.

– Что ты несёшь, дура? – перекинулся я на неё. – Что вы вообще прицепились ко мне и к ней? Я в вашу с Владом койку не лезу, так какого хрена ты везде суешься?

– Э, за дуру извинись, – влез Влад, который до этого как всегда молчал.

– Угу, сейчас!

– Извинись, я сказал, – набычился Влад.

– Да пошёл ты!

– Тёмыч, ты не прав, – подал голос Никитос.

И Гарик тут же поддакнул:

– Вообще не прав! Лёну зря обидел...

В общем, на психе послал я всех наших и злющий поехал домой.

Потом уже подумал, что перегнул. Ленка, конечно, дура и при Лере явно спецом сболтнула про отель. Но все равно не стоило так на неё накидываться. А вот стерве Клео я бы

ещё и не то высказал.

Нет, меня, может, и правда, штормит из-за Леры в последнее время, я уже и сам чувствую, что постоянно маюсь и срываюсь чуть что, но вот как Клео это сказала – так мне вообще не понравилось. Выбесило просто. Не то что я претендую на высокие отношения, но как-то у нее это прозвучало совсем отстойно. Будто она всё опошлила. Будто кроме как потрахать меня больше ничто не волнует. Да и просто зло взяло, что они везде приплетают Леру.

Приезжаю домой на взводе, но там, слава богу, меня никто не трогает, не выпрашивает, что со мной не так. Отец уехал по делам в Новосиб ещё вчера, а мама готовится к открытию какого-то книжного фестиваля. Ей надо будет двигать речь как представителю министерства культуры, встречать важных гостей, участвовать в обсуждениях и круглых столах. И вся эта канитель длится уже несколько дней и растянется на всю следующую неделю.

Так что последнее время мы с Ксюшкой её почти не видим и не слышим.

Обычно мама всё расспросит, а сейчас только задания раздает: Тёма, ужин на плите, подогрей... проследи, чтобы Ксюша нормально поела... уложи её спать в девять... завтра, пожалуйста, не проспй... поставь будильник... собери Ксюшу в школу и отведи, я не могу...

Мне, с одной стороны, вообще ничего делать не хочется, а с другой – эта возня как-то отвлекает и успокаивает, а то я уже изнемогаю, не зная, куда себя деть.

Ксюшка, как назло, не ест, хоть заговаривайся. Правда, мне и самому ничего в рот не лезет. А вечером, когда укладываю её спать, замечаю, что она вся пылает. Ставлю градусник – и точно тридцать девять. Мама – сразу в панику, вызывает скорую, параллельно звонит отцу, тот её успокаивает до приезда врачей.

В общем, ночь у нас выдается развеселая. Врачи предлагают отвезти Ксюшу в больничку, та бьется в истерике, что никуда не поедет. Визжит так, что уши закладывает. Мама просит их что-нибудь сделать. Но они дают только жаропонижающее и на этом умывают руки, предлагая назавтра вызвать участкового. В конце концов Ксюшка, вся измотанная, засыпает, и я тоже. А мама так до утра и ходит с ума. Чуть свет – вызывает платного врача. Тот мало-мальски её успокаивает, типа, ничего катастрофичного. Я с его списком прусь в аптеку, ну и потом весь день торчу дома, с Ксюшей. А мама, убитая горем и виной, едет на свой дурацкий фестиваль, ну и, конечно, звонит мне каждые полчаса.

От Ленки в обед прилетает сообщение. Даже не одно.

«Тёма, ты почему не был на парах?»

«Тёма, у тебя что-то случилось?»

«Просто напиши, с тобой всё в порядке?»

А я и присесть-то не могу дольше, чем на пять минут.

Ксюшке – то попить принести, то почитать, то поддержать за ручку, то поднять жалюзи, то опустить, то надеть ей носки, то снять и так до бесконечности. Ещё всякие пилюли и сиропы давать по часам надо. А брусничный морс и куриный супчик, которые пришлось варить по ютубу – это отдельная история. К вечеру у меня самого ноги подкашиваются и кидает то в жар, то в озноб. Короче, нянька из меня та ещё. И наверное, за всю жизнь я так не радовался возвращению мамы, как в этот раз. Ещё больше радуюсь, когда она сообщает:

– Назавтра я договорилась, меня подменят, так что останусь с Ксюшей, а то ты и так пропустил сегодня универ.

Это да, завтра я никак не могу прогулять. Я и так заждался вторника.

Утром просыпаюсь – голова раскалывается аж смотреть больно. ещё и суставы ломит. Наверное, вчера с непривычки устал. Я нагло вру, что нам ко второй, и заваливаюсь ещё на час. Но и потом не легче, если не хуже. Не будь сегодня лекции по доказыванию черта с два меня бы кто выдернул из постели. Но тут закидываюсь обезболивающим и через не могу плетусь в универ. Со своими черепашьими темпами успеваю как раз к третьей паре.

К нашим не сажусь, иду вообще от всех подальше, на последний ряд. Всю пару с Леры глаз не свожу. Смотрю на неё – а внутри всё ноет. И сам не понимаю: что ж мне так херово-то? Прямо будто жилы из меня вытягивают. Хочу к ней.

Хочу быть с ней. Прямо до ломоты. А оттого, что она к себе не подпускает, подгорает так, что крушить всё вокруг охота. Только сил нет совсем. Я и голову-то держу, подперев рукой. Честно стараюсь записывать её лекцию, но как-то тоже фигово выходит. Строчки плывут перед глазами. И в ушах такой стук, что половину её слов не разбираю.

Когда наконец все сваливают, выгребая из-за стола и понимаю, что пол качается. Реально уплывает из-под ног. Не повернуться бы только. Вот это был бы номер – кубарем скакаться к её ногам.

Лера стоит возле дверей, ждёт, когда выметусь вон, а я останавливаюсь напротив неё. Из коридора такой шум, что перепонки разрываются, я закрываю дверь, и мы будто остаемся наедине.

– Это... это как понимать? – сразу вспыхнув, вопрошает она.

А я и так чувствую себя как пьяный, а рядом с ней меня окончательно ведёт. Смотрю на неё, а сердце в горле колотится, сейчас выпрыгнет. И в голове туман, что слова нормально собрать не могу.

– Если снова попробуешь... – Она запинается и вдруг краснеет. Не то что прямо рдеет, но на скулах явно проступает румянец. – В общем, Артём, говорю тебе последний раз. Выкинь из головы то, что... тогда было. И прекрати вот это всё. Это уже домогательство какое-то.

Она почему-то нервничает и отводит глаза в сторону, а

я опускаю взгляд на её губы. И конечно, залипаю. Хочу их так, что чуть крышу не сносит, но понимаю же – нельзя. И от этого аж печет в подреберье. Может, Клео и права. Хотя нет, ни хрена она не права. Я вдруг осознаю, что от Леры хочу того, чего не хотел никогда ни от одной девушки. Чувств её хочу. Хочу, чтобы она тоже запала. Чтобы тоже хотела быть со мной.

– Предупреждаю, если ты сейчас снова...

– Я извиниться хочу, – произношу хриплым полупшепотом, как будто голос вдруг куда-то пропал. – За всё, и за пятницу тоже... Прости... те, пожалуйста.

Лера внезапно смущается и теперь уже точно рдеет.

– О... а... ну, хорошо. Ладно, извинения принимаются, – торопливо говорит она. – Можешь идти.

А я двинуться с места не могу.

– Артём, мне надо закрыть аудиторию. И у тебя уже следующая пара через минуту начнётся, – она смотрит на часы, изящные, золотые, обвивающие её тонкое запястье. – Даже меньше. Иди. Опоздаешь.

И меня даже от этого жеста скручивает. Я так ярко помню, как сжимал эти её запястья у неё за головой, вдавливая их в постель.

Кивнув, вываливаюсь в коридор как раз под звонок, который как сверло дрели вонзается в мозг. Но, слава богу, быстро смолкает, и в коридоре становится пусто и тихо. Я плетусь на автопилоте, потому что мыслями ещё там, в аудитории,

рядом с ней. Она извинила, она на меня не злится, но почему тогда так хочется сдохнуть?

Лера где-то сзади щелкает замком. Слышу звук её каблучков. Стремительный такой, будто она куда-то очень спешит. Вот она нагоняет меня уже у самой лестницы, а, сравнившись, на повороте задевает. Несильно, но меня и от малейшего толчка ведёт в сторону, и я наваливаюсь на стену плечом, а потом и спиной.

– Ой прости, – оборачивается она на лету. Делает еще пару быстрых шагов по инерции, потом останавливается и возвращается ко мне.

– Артём, с тобой всё в порядке? – спрашивает озадаченно.

– Угу.

– Ты какой-то... не такой, – хмурится Лера, заглядывая в лицо. А потом вдруг кладёт ладонь мне на лоб. – Боже, да ты весь горишь!

Я, млея, улыбаюсь. Ещё как горю. Только не убирай руку... Но она убирает.

– Давай я тебя провожу в медпункт?

Я мотаю головой.

– Спасибо, Валерия Сергеевна. Не надо. Я сам. Я домой хочу. И вообще у нас нет медпункта.

– Какой сам? Что ж с тобой делать?

Люби меня... Но вслух, конечно, мычу, что дойду всё-таки сам куда надо.

– Ты далеко живешь? Давай я тебя до дома хоть доведу.

20. Лера

– Да не спорь ты, – говорю Шаламову. – Сам он дойдет. Тебя вон качает.

Он тотчас отлипает от стенки и выпрямляется – демонстрирует мне, что способен держаться ровно. Я еле скрываю усмешку.

Глаза его лихорадочно блестят и на фоне непривычно бледного лица кажутся совершенно черными. А я вдруг ловлю себя на мысли, что хочу обнять его, без всякого сексуального подтекста. Просто смотрю на него, как он, больной и весь пылающий, изо всех сил крепится, и в груди растекается что-то похожее на нежность.

Абсурд, конечно. Хотя Марка я тоже всегда искренне жалела, когда он заболел. К тому же знаю и по папе, и по Марку, и по всем знакомым, что мужчины болеть совсем не умеют. Чуть поднялась температура, и они превращаются в детей, а то и умирать готовятся.

– Не геройствуй, Артём. Довезу уж тебя до дома. Только давай на кафедру зайдем, пальто возьму и поедем. Хорошо?

Он кивает и послушно плетется рядом. Приходится идти медленно, подстраиваясь под него, ну да ладно. Я в общем-то никуда не опаздываю, просто привыкла к бешеному темпу.

Поглядываю на него искоса с легко

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.